

Алёна Каримова

ДРУГОЕ ПЛАТЬЕ

Стихи

Казань
Татарское книжное издательство
2006

Алёна Каримова

Другое платье: Стихи / Алёна Каримова; Предисл. Р.Бухараева. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2006.

В книгу вошли стихи, поэмы, переводы с татарского и английского языков. Стихи преимущественно лично-лирического характера, добрые, светлые, жизнерадостные.

ISBN 5–298–03974–X

© Татарское книжное издательство, 2006

© Каримова А.К., 2006

«Пусть во мне говорят эпохи и языки...»

В этом мире, особенно если ты еще молод, пропасть всего интересного. Одного в нем всегда не хватает — обыкновенной человеческой искренности. Некоторые боятся ее проявить, некоторые не умеют, — не сознавая, что только будучи искренним (и получая за это тычки и полновесные удары) человек научается быть самим собой. Остальное — мираж самолюбования или постоянный страх, что вот возьмут и *обнаружат тебя настоящего*.

Поэтому-то в поэзии и бывает так много трафаретов, штампов, перепевов, исхоженных гуськом троп и — ради вечного соблазна известности — обыкновенной фальши, которая, крутясь возле зеркала, рядится в множество самых затейливых облиций, но остается тем, что она есть — фальшью.

Нынче можно пройти вдоль бесконечного забора Интернета, на котором пишут все, кому только не лень, и вернуться восвояси с печальным сознанием, что и Интернет не переделал Человека Пищущего. Он, как правило, все тот же, самовлюбленный, самонадеянный и обуреваемый гордыней по поводу и без повода, вот только Интернет дал ему полное ощущение безнаказанности и, как ничто другое, укрепил в нем чувство безответственности — в том числе и за собственные слова.

Но жизнь все еще жива благодаря не правилам, а как раз исключениям из правил. Стихи Алёны Каримовой я впервые увидел именно в Интернете и уже тогда меня задела за сердце их предельная человеческая откровенность, проистекающая из необходимости не просто сказать — но *высказать* что-то очень свое.

Такое желание сродни страстному желанию немого человека заговорить, чтобы наконец поделиться с людьми своими чувствами и печалью, своей человеческой уникальностью, которая только и отличает нас друг от друга, но которую так трудно высказать во всей ее подлинности и честной простоте.

Да, у такой рвущейся из души страсти к гласному слову нет времени раскидывать мозгами, кумекать и прикидывать, чем бы удивить. Если уж сквозь одинокое страдание немоты является *то самое слово*, то — простое, как родник, и столь же нужное ближнему, тоже ведь умирающему от жажды искренности:

Странностям нет числа.

Ближний молчит, дурак.

Я бы его спасла,

если бы знала, как.

Все, кто в молодости проходил через испытания поэтическим словом, знают, чего это стоит — договориться с миром. По сути это пропадающая затея, потому что договориться — это научиться говорить на одном языке, а мир чаще всего заставляет именно что «с волками выть». Мир не приемлет светлой детской чистоты и наивности, которые только и являются подлинными правдами человеческого существования. Сколько нас, тех, кто пытался, *чтобы не чувствовать одиночества*, всячески гасить в себе по-прежнему струящийся и мерцающий свет детства, дабы выглядеть в стихах крутым и много повидавшим. Но у Алёны это не получается: чистый она человек, и слава Богу! Есть и еще одна опасность в настойчивом желании найти свое место в координатах современной интернетной и иной поэзии, чтобы избежать чувства одиночества. Увы, это чувство неизбежное, причем навсегда. Всякий человек, выбирающий поэтическую стезю, должен, если не смириться, то как-то сжиться с этим острым и неприкаянным чувством. Если человек все больше ощущает творческое одиночество, значит, он все больше становится самим собой. Более того, всякое желание вписаться в этот мир чревато, — ведь даже такой большой и настоящий поэт, как Владимир Соколов, сокрушался: «Это страшно — всю жизнь ускользать, убегать. Уходить от ответа. Быть единственным — а написать совершенно другого поэта».

Алена Каримова, по-моему, ясно сознает это и старается написать именно саму себя. У нее это волей судьбы получается по-русски, хотя она-то лучше всех знает, какие именно немотные терзания звучат в ее душе. Писать по-русски — это еще не значит донести свою мысль по-русски прозрачно, просто и связно, и всякое мало-мальское мастерство должно ежедневно проходить через горнило вечной учебы и вечных сомнений. Этот путь обретения умения и мастерства очевиден в стихах Алены — от первых до самых последних по времени. Но душу-то, татарское детство куда денешь?! Вот она и говорит:

Я лелею и холю чужую-чужую речь,
мною за то недоволен родной мой народ татарский,
и скорее готов на молчанье меня обречь,
но у нас же общий характер — степной, бунтарский.

...Пусть во мне говорят эпохи и языки,
и народы сближаются, чувствуя тяготенье;
все мы люди, и все мы пьем из одной реки,
лишь пока мы вместе, мы избежим забвенья.

Великая культура воистину велика, когда она не боится ничьих влияний, и всякое внешнее воздействие превращает в свое, родное. Великая культура сильна своим великодушием и уважает творческие дерзания независимо от условностей. Великую английскую литературу создали, помимо Шекспира, шотландцы Роберт Бернс и Вальтер Скотт, ирландцы Оскар Уайльд и Джонатан Свифт, валлиец Дилан Томас. Их родные языки не имеют ничего общего с английским, не говоря уже о том, что сам современный английский язык развивался при огромном влиянии древнефранцузского и норманнского наречий.

Татарку Алену Каримову, назовись она хоть сто раз своим данным от рождения именем — Алия, некоторые все равно будут упрекать в том, что она пишет по-русски, хотя никто из таких записных обвинителей не приложил ни малейших усилий, чтобы не только мое, но и ее поколение тянулось к татарскому языку не под кнутом публичного осуждения, но в силу притяжения его, родного языка, современных литературных свершений.

Есть в татарской, да и в любой другой литературе настырное меньшинство, которое, прикрываясь ничего не стоившим им от рождения знанием родной речи, просто самым ординарным образом перепевает и политизирует мотивы великой национальной поэзии. Это меньшинство, от громогласной мелочности которого настрадался в свое время и самый великий татарский поэт Габдулла Тукай, всегда наготове, чтобы первым бросить камень в любую живую и ранимую поэтическую душу.

Но есть и другие люди, пишущие по-татарски, — те, кто действительно представляют собой цвет, а главное, еще живую совесть нашей литературы. Они не кричат о себе и не бьют себя в грудь, но именно они лучше всего понимают, как важно для настоящего и будущего татарской литературы, да и всей татарской культуры, постоянное поколенческое присутствие таких поэтов и переводчиков, как Алена Каримова и ее собратья, в силу обстоятельств «действительной» жизни пишущих по-русски.

Здравствуй! Мною не понято веками,
Почему иду на голос твой,
Но всего сильнее в человеке
То, что он действительно живой.

В подлинном творчестве, тайны и трудности которого по-настоящему известны только самому художнику, нет особенного смысла ни давать, ни слушать советы со стороны. Я чувствую в лучших стихах Алены, что ей, как и любому поэту, пребывающему в пути,

еще предстоит найти и выразить саму себя такими простыми и прозрачными словами, от которых она однажды ахнет и сама.

Но есть один совет, который одинаково важен и для творчества, и для «действительной» жизни. Если уж побеждать, так только самого или саму себя. И, встав на этот путь, нельзя останавливаться, чего бы это ни стоило. Нельзя останавливаться.

Останавливаться нельзя.

Равиль Бухараев

Золотые дирижаблики

Письмо

Здравствуй, милый. Так бывает.
Вся-то жизнь — успеть проститься.
От любви обалдевая,
Путать имена и лица.
Не спасают от истерик
Небо, фонари и книжки.
Я хожу гулять на берег,
Там сидит старик с мартышкой.
И мартышка строит глазки,
Словно перед объективом.
И мартышка любит ласку,
И стихи речитативом.
Здесь тепло. Начало лета.
Памятник с латунной тростью.
Даль надеждами согрета,
И никто не помнит осень.
Сквозь березовые ветки
Также любит шастать ветер,
И закаты, и рассветы,
Как везде на белом свете.
Я скучаю. Это просто.
Не скучать куда сложнее.
По ночам не сплю от злости,
Но зато люблю нежнее.
Так люблю, что не приеду,
Не вернусь и не увижу —
Я уже привыкла к бреду,
Будто ты сейчас в Париже.

* * *

Покажется, что жить не к спеху...
А на дворе зима. Зима.
И вряд ли приведут к успеху
Попытки не сойти с ума.

В бреду провинциальной скуки
О чем ты думаешь, о чем?
Болезнь души сродни разлуке —
Придет, прикинувшись врачом.

Вот время — принимать на веру
Все улицы и города,
Бродить задумчиво по скверу
И не влюбляться никогда...

Вот время — вглядываться в лица.
Когда-нибудь, когда-нибудь
Тебя заставит измениться

И этот свет, и этот путь.

Стихи об августе

Об августе, в котором Млечный путь
Задумчиво лежал на нашей крыше,
А во Вселенной нелегко уснуть,
Шаги и разговоры чьи-то слыша.

И мы не спали, мы ловили чутко
Малинный запах из раскрытых окон.
Ты помнишь опасения рассудка,
На розовой подушке темный локоп?

Под утро, отпуская нам грехи,
Не ведая, о чем грустит душа,
Взволнованно кричали петухи,
И звезды растворялись не спеша...

Город

Твой город не привык ко мне —
Он любит белое молчание
Зимы над горами камней
И веток траурных качание.

Твой город неприлично хмур
Полуобжитыми вокзалами,
А я иду, бегу к нему,
Как будто жить учиться заново.

По звездным шествуя следам
Над перепончатыми крышами,
Я буду лучшей гостьей там,
Где обо мне еще не слышали.

Я узнавать их научу
Меня по родинке и голосу,
Я буду гладить, как хочу,
Твои всклокоченные волосы.

Какая разница, зачем
Стихами вместо слез заплачется...
Ты будешь, все равно, ничей,
Я буду, все равно, обманщицей.

Отвлеченная поэма

Как и челн на воде,
не оставит на рельсах следа
колесо паровоза

1

Нелепо ожидая славы,
застыть у зрелости в дверях.
Мы никогда не будем правы,
нам никогда не скажут: «Ах!»
Кусочки лета между улиц,
а в парках — желтым — день любой.
И я не плачу, не целуюсь,
Но что-то помню про любовь.
И лужи, полные трагедий,
как человечесий в небо взгляд.
И ты уедешь, ты уедешь,
опять, как жизнь тому назад.

2

Мне кажется, как у амебы,
мой разум бесконечно прост,
и слишком ограничен, чтобы
пытаться дорасти до звезд.
Но то ли неба откровенье,
а то ли просит карандаш,
мечты остановить мгновенье
и за полцарства не отдашь...
Прощай, я буду этот город
теперь любить за нас с тобой.
И застегни на кнопку ворот
у куртки темно-голубой.
Сегодня говорили птицы,
что наступают холода.
А поезд призраком умчится —
за ним, на рельсах, ни следа.

* * *

Полдень звенит, и открыто окно —
В мире взволнованно все.
Как уникальное наше кино
Вечный творит режиссер!

Мы засыпаем в ладонях его,
Чтобы проснуться в тоске,
Зная, что в мире и нет ничего,
Только следы на песке.

Где же еще, у каких же границ
Слезы на свете глотать?
Там невозможного пения птиц
Только и есть благодать.

Только и есть, что ненужная боль.

И у последней черты
Будет играть эту чертову роль
Тот, кто уже и не ты.

* * *

Я любила ходить в одиночку чужими дворами
И капризно шуршать исчезающей к снегу листвой,
Где к земле по-старушечьи никли оконные рамы,
И дома деревянные нежно сулили покой.

Я любила чужую собаку с геройскою кличкой,
И скользить по дорожке, укатанной звонкой зимой.
Я люблю и теперь, но слабеет смешная привычка
Возвращаться пешком самой длинной дорогой домой.

Март

1

Ну вот и снова за околицей
Весенней сутолоки звуки,
И март последней льдинкой колется
В коснувшиеся снега руки.

И жмутся ручейки к обочинам,
И чудятся везде кораблики,
И фонари сияют ночью нам,
Как золотые дирижаблики.

На пяточке асфальта сереньком
Стою, нечаянно счастливая,
Намереваясь новым Берингом
Пройти опасными проливами.

2

У моей метели опустились крылья —
Тащится пешочком, но дойдет и так.
А меня на свете научить забыли,
Как от дел великих отличить пустяк.

На деревьях черных поразвесив небо,
Провожал до дома и лукавил март.
А теперь и правда, все равно, что небыль.
Март тасует строчки, как колоду карт.

То ли взгляд остался, то ли полсловечка,
То ли, шепелявя, снег сползает с крыш,
Вот и потерялось тонкое колечко,
Я тебя запомню, ты меня простишь.

Калейдоскоп

* * *

Сумасшедшее солнце с испуганных, бледных небес
Наполняет пригоршнями зайчиков тусклые души.
Кто-то умер вчера и сегодня, увы, не воскрес.
Ну и что, все равно умирать я ни капли не трушу.

Все равно будет яркая радуга в ласковый дождь
И сияние глаз в золотистой зелени лета.
Даже если зима, даже если ты вдруг не придешь,
Все равно будут зайчики белого-белого цвета.

* * *

Как жаль, что после воскресенья
Лишь понедельник, плачь — не плачь.
Как трудно прятаться в веселье
От надоевших неудач.

Как глупо удивляться встрече
Случайной в городе родном.
Как бесполезно целый вечер
Скучать душою об одном.

Как грустно звякает посуда.
Как нужно чьих-то писем ждать.
Как непонятно верить в чудо.
Как беспредельно — умирать.

* * *

Я подожду тебя в созвездии Близнецов,
Кастор будет читать стихи,
а Поллукс играть на флейте.
А может, подожду на Луне,
под всевидящим оком сов —
Там легко и туда не
заглядывает даже ветер.
Я подожду тебя на кольце Сатурна —
Все его спутники мы сосчитаем вместе,
Знаешь, Земля оттуда
выглядит совсем недурно,
И Господь иногда
посылает на землю вести...
А можешь остаться и дожидаться весны,
Я буду сниться тебе по понедельникам,
По понедельникам снятся сны
Только таким как ты бездельникам.
А хочешь, нас не будет
ни в шутку, ни всерьез,
Нас забудут с тобою по небрежности.
Сотворение мира —
не такой уж сложный вопрос,
Но в нем почему-то

всегда не хватает нежности.

* * *

Он мне сказал: «Все очень просто:
Не подходите близко к звездам.
То, что издалека чудесно,
Вблизи быть может не таким.
Ведь эта истина известна...»
И я тогда ушла с другим.

* * *

Ошалев от бесконечных прений,
Забывая городской ландшафт,
Вдруг, как будто в светлом озареньи
Научиться помнить и дышать.
Здравствуй! Мной не понято вовеки,
Почему иду на голос твой,
Но всего сильнее в человеке
То, что он действительно живой.
Хорошо, что теплая погода,
Хорошо, что ночи — хоть куда,
И дождаться ближнему восхода
Люди помогают иногда.
Вера притяжению планеты,
Шлепаются яблоки в саду,
Хорошо, что я не знаю, где ты,
Хорошо, что я тебя найду.

* * *

Ухожу, не смотришь в это зеркало после меня —
Пусть не знает оно, как мы выйдем поодиночке.
Скоро красный трамвай, подчиняясь течению дня,
На скрещеньи путей нарисует решительно точку.

Потому, что февраль — это время обмана и слез,
Если четки в руках, — в голове, все равно, не молитвы.
И молчанье мое на твое безразличье пролито
Потому, что ответ навсегда исключает вопрос.

Размышления о любви

Любовь к партнеру
(фривольно толкуя Фромма) —
Лишь форма фальши.
Что дальше?

Мы с тобой не клоуны и не жонглеры чувствами.
Наверное, мы вместе — из любви к искусству.
Сидишь в сортире и сочиняешь стихи.

Впрочем, это ново не очень.

Мусор в головах людей ставит меня в тупик,
Как в детском саду ставили в угол.
Как будто на стыке стен держится правопорядок.
Теперь не рады...

О чем это я? О любви.
Ушки, покиньте макушки,
Об этом принято плакать в подушки,
Но — подружки, я буду ругаться,
От того, что в любви так много рации...

Куда веселее быть пиратами.
Но — этого быть не должно,
Ибо не канонично.
А на двоих одна личная жизнь — двулична?!

* * *

1

Ни сердцу, Боже, ни уму,
Но что-то шепчут, шепчут губы.
Мое смирение — кому,
И жизнь мою отдать кому бы?
Кому нужней, кому важней,
И кто не так ее растратит?
И кто научит быть нежней,
Когда терпения не хватит,
Меня, в мои немного лет
Всего и знающей — безделье
Кому-нибудь смотреть вослед.

2

Мой друг неласковый уехал,
И нету год уже письма,
Лишь в соснах потерялось эхо,
Чуть слышное, как я сама.
Осталось два десятка строчек,
То ли моих, то ли его.
Вот только непонятен почерк,
Но знаешь, это ничего.
И даже к лучшему, наверно,
Поскольку снова, каждый год,
Апрель теряет чувство меры,
Презрев обыденности ход.
Беспечно раздаешь поклоны,
Улыбки ловишь на лету
И притворяешься влюбленным,
Подобно нежному коту.
В калейдоскопе черно-белом
Еще один, уже вдвоем...

У нас у всех одни пределы —
Мы где-то быть перестаем.

3

Такая музыка была,
Что впору ничего не помнить,
Такая музыка звала
Сквозь анфилады светлых комнат.

Такая музыка... и что ж?
И в ней чего-то не хватало...
Не потому ли, что умрешь,
Тебе всего на свете мало?

* * *

Уже затихли музыка и жизнь,
И занавеса сдвинуты ладони.
И все ушли, и некому служить.
Восторги превращаются в агонию.

Один актер, как сумасшедший бог,
Еще бормочет на пустынной сцене,
Но время, заготовленное впрок,
И на него навешивает ценник.

Что делать мне, поверив чудаку,
Но не умея улыбнуться чуду?
Он мне прочтет бессмертную строку,
А я ее сегодня же забуду.

Зал ожидания

Вокзал

1

Статика вокзальных циферблатов
упрощает жизнь до жестких кресел
в неудобном зале ожидания.
Где-то рядом бродит мысль соседа,
зорко охраняя чемоданы
от небритой рожи, что нахально
раздевает взглядом киоскершу.
Как-то неестественно растянута
тот кусочек жизни между улиц
разных городов, который должен
кратким быть, как открыванье двери
(если в нем доискиваться сути).
В этом кресле ты случаен, словно
капелька воды из Ниагары

в кране на твоей родимой кухне.
Впрочем, все на вид гораздо проще:
нужно было поезда дожждаться.
И теперь, в компании подобных,
под брэнчанье пьяных менестрелей
от какой-то неумной грусти
скрючившись, тревожно засыпаешь.

2

Как невтерпеж убраться из столетья,
где тишины и в полночь не найти,
чумазы, заплаканные дети
и нищие, и смерть на полпути.

По улицам чужая боль кружит —
ты говоришь, сегодня сильный ветер?
Как хочется начать другую жизнь —
тьма городов еще на белом свете.

Но не сдвигаюсь с места и смотрю,
как голосит безвыходно и пьяно
старуха, подвывая декабрю,
и память льется в грязные стаканы.

Все устают. Стоят автомобили.
И каждый не уверен даже в том,
что до сих пор его не разлюбили.
И Бог молчит. И остывает дом.

* * *

Пусть писать хотелось совсем не так,
Я тебе напишу о моей стране,
Где Иван — царевич, а все дурак,
Где вершки всегда корешков ценней.

Так хотелось в очи ее взглянуть
И сказать: «Родимая, я с тобой»,
Но такая муть и такая жуть —
Самолет в Иркутске, чеченский бой.

Да все время немы ее уста,
И чего б там ни было впереди,
Но среди всех заповедей Христа
Позабыта прочно — «Не укради».

И не светит лампочка Ильича,
И ночами темен Приморский край,
Но горит еще на столе свеча...
Не сгорай, хорошая, не сгорай.

Сорок второй

I

Это в сорок втором году
Нас забыли на полстолетья,
Где в снегу, как в чужом бреду,
Умирили мы на рассвете.

Это в сорок втором году
Подо Ржевом темно и страшно,
Не стихая, бои идут,
И деревьев чернеют башни.

На поляне, где медсанбат,
Это с нас ботинки снимают,
Здесь любой — всего лишь солдат,
А земля, все равно, немая.

А потом сволокут едва
До ближайшей воронки в лес.
Кто там думает про слова —
Здесь молчание до небес...

II

Ах, простите меня, простите,
Милый мальчик двадцатилетний,
Я с ума сойду от наитий,
Все мне чудится взгляд последний.

Развороченная береза,
Как страшнейшее из знамений.
И мои далекие слезы
Ничегошеньки не изменят...

И ржавеет пустая каска
Под кустом рябины осенним.
Я иду, сочиняя сказку
О чудесном Вашем спасении.

* * *

Из моего окна унылый вид:
вот дерево, как нищенка — ребенка,
безрадостно покачивает птицу.
Другое — хмуро смотрит сверху вниз
на кобеля чепрачного окраса,
манерно задирающего лапу.
Болото всем безмолвно сострадает...
А мне безумно не хватает снега.

Прыжок

Земля далекая безбрежна,

И недоверчивость смешна,
А в синем небе схватит нежно
Тебя за горло тишина.

Хранит молчанье парашют,
По сути, тоже одинокий,
А ты болтаешься, как шут,
Выискивая смысл глубокий.

В прямоугольниках полей
И деревушек очертаньях...
Все веселее, веселей
От предстоящего свиданья.

Пружинно тяжелеет тело.
Овраг, машина, сена стог...
И, приземлившись неумело,
Снимаешь кирзовый сапог.

* * *

Вот стоять на вечном горбу моста
И пытаться чаек кормить из рук.
Может, жизнь и вправду не так проста,
Или я — в симфонии лишний звук?

Что ж, позволь улыбаться, молчать позволь,
Все равно не расскажешь за пять минут,
Как под сердцем нарастает боль,
Как опять обнимут и отшвырнут...

Мне не то, чтоб жалко себя сейчас,
И не то, чтоб я не люблю людей,
Но в толпе ничем не ослабить связь
С остальными, как будто пропасть в нигде.

Разве ты услышишь, о чем кричу,
Если речь — испорченный телефон?
С этой жизнью можно сыграть вничью,
Но не выиграть. Есть и такой закон.

Не открытый, впрочем, пока еще
Потому, что сможет услышать счет
Только тот, кто всех нас переживет.

Четверостишья

* * *

Простите нам немодные печали,
Мы — публике — отсутствие простим.
«Бессмертья нет. А слава только дым...»
Но было слово все-таки вначале.

* * *

Жизнь — ощущение потери,
А значит, так необходимо
Уметь прощаться без истерик
Со всем, что мимо, мимо, мимо...

* * *

Я проснусь и увижу — весна настанет понемногу,
И быть может, надену зеленое длинное платье.
Этот тонкий апрель... он во мне поселяет тревогу,
Как больничные тапки, лежащие рядом с кроватью.

* * *

Запах слез и нищеты, злой и стойкий,
Сиротливые кусты, новостройки.
Сонно плавают коты у крылечек,
Время смотрит с высоты и не лечит.

* * *

До конца не привыкая
Ни к тому и ни к другому,
Ходит боль от дома к дому,
Будто Герда ищет Кая.

* * *

Немного слез, стихов немного,
Банально-тихое: «прости».
Да, у меня своя дорога...
Но так не хочется идти.

* * *

Привкус чужой обиды
Мне сохранили губы.
Ах, неужели буду
Помнить его и помнить?

Поет свирель

М.Зарецкому

* * *

Вот полдень мартовский, свежайшая весна.
Сверкает солнце в голеньких березах.
Господень сон. Но нет, не надо сна.
Вчера был праздник, и лотки в мимозах.
Не каждый трезв, но каждый — джентльмен,
и гармоничен карме и природе.
Прекрасен желтый — цвет тоски, измен,

или разлуки, что-то в этом роде...

Тревожа слух поэтов и ворон,
не обращаясь больше ни к кому,
меж четырех оплаканных сторон
поет свирель в заброшенном доме —
еще жива. И, сколько будет сил,
я буду слышать — это ли не месть
пространству, времени, движению светил
и телу, остающемуся здесь.
Оставшемуся. Разве это он?
Ошибка. Сон. Позвать скорей врача.
Его я знаю. Он еще влюблен,
и речь его все так же горяча.

Лестницы

* * *

Поплачь, дружок, над скукой бытия,
где сумрак все, и к лестницам перила
забыли понаделать; «Я твоя» —
какая только тварь не говорила.

И жизнь твоя в зелененьком шелку,
и смерть твоя, в чем родила мамаша,
и ничего, про что сказать бы «наше»,
найти нельзя на этом берегу.

Нельзя, нельзя. Харону приготовь
не что-нибудь, а новенькую драхму,
чтоб не пришлось дешевенькую драму
играть опять, опять проспав любовь.

Научат в школе знать какого рода
«оно — мое», «он — мой», «она — моя»,
и скажут, что устроена природа
так, что родней других тебе свинья,
согласно генетическим запаркам.

Пройдемся, дорогой, по зоопаркам,
на тощих лис посмотрим и волков.
Печально зафиксирует подкорка:
нет ничего, что было б так же горько,
как мыслящее море тростников.

* * *

Потягивая чай из блюда,
беспечно дальнего любя,
легко на свете обмануться
в необходимости себя.
И вправду, кто бы смог еще

так горевать проникновенно
над неустроенной Вселенной,
масштабы не приняв в расчет?!

* * *

Все бы прощать золотых стрекоз
с крыльями чистой, как дождь, слюды,
все бы шептать тебе сквозь наркоз
координаты большой звезды,
чье притяжение нас убьет,
не разобрав, что свои. Свои.
Мрачных больниц нашатырь и йод
так же полезны, как яд змеи.
Невозвращения гудит струна,
ей искусственный не внемлет слух.
Эта другая моя страна
сгинет, едва прокричит петух.

* * *

Берега для мостика, речка грезит лодкою,
где слепые дождики — шорох в камышах...
А зимой не плавают, но зима короткая.
У зимы жестокая детская душа.

Карнавалы, праздники, звонкие катания,
рынок за дорогою елками оброс.
Будто бы сложение, все же — вычитание,
с каждым годом новеньким меньше Дед Мороз.

А потом апрельская радость ненарошная,
счастье узнавания, кто это ко мне —
ласковый, заботливый, солнечный, взъерошенный,
всех других особенней, всех других умней.

Летом слушать медленный день, жарой стреноженный,
на веранду вытащив старую кровать.
Или в сад заброшенный тропкой, кем-то хоженной —
за спиной у Боженьки яблоч воровать.

Чтоб и нам какой-нибудь мир возделывать выдали,
чтоб младенец розовый спал себе в тепле.
Смирно, взявшись за руки, только нас и видели,
мы уйдем счастливые по своей Земле.

* * *

я знаю нужно пережить
над клумбой в парке снег летучий
безумной парки взгляд паучий
безделья черствые коржи

возьми любовь меня в подруги
занять талант и ум и руки
мне надоело в стороне
ждать кто бы вспомнил обо мне

* * *

Ходим-бродим. Вроде, просто так.
Спит ветла изнанкою листа.
Трепыхнется рыба у моста,
чертыхнется сумрачный рыбац.

Посмотри, какой правдивый день,
и ему как будто все равно,
что с тобой мы заняты давно
наведеньем тени на плетень.

Научиться быть послушной, чтоб
не твердить любви: «Не та, не та...».
Как горбатых правит только гроб,
нас исправит только немота.

Все дороги в много-много ли
для начала просят сделать шаг.
Возвращенье — наш извечный враг —
молча дожидается вдали.

* * *

Ласковый, мне б распознать, о чем
ты говоришь на своих наречьях,
знание это, как дурачок,
буду хранить в закутке за печкой.

Буду читать по слогам букварь,
самой ненужной на свете стану,
чтоб никакая чужая тварь
не догадалась о нашей тайне.

Звездные карты предскажут боль,
ты мне подаришь кораблик белый,
я отыщу в небесах Алголь,
там я спою им твои напевы.

Но не сердись: завершая круг,
нужно вернуться к знакомой доле.
Пусть звездолет далеко не плуг,
кто-то же должен возделать поле.

Строить дома, восхвалять прогресс,
мерить семь раз, никогда не резать.
Выдав тоскливо: «Мне скушно, бес...»,
все же взирать на события трезво.

Да. Не сердись. Человечек слаб.
Кем бы он был, не доверясь быту.
Необходимостей гордый раб,
у своего он помрет корыта.

Не потому ли твое вранье
воображенье и разум дразнит?
Ты — лучше чуда, ведь ты — мое.
Жаль, сумасшествие не заразно.

* * *

А жизнь такая неумеха,
Хоть умный взор ее горяч.
Не плачь, мой маленький, не плачь,
Ведь все придумано для смеха.

Ну кто поверит, что всерьез
Рыдала глупенькая скрипка,
Когда конференсье с улыбкой
Свою тираду произнес?

Вот вышел мальчик. Он артист.
Он пару раз умрет на сцене.
Один раз так, потом на бис,
И публика его оценит.

Ты слышишь, я сказать хочу...
А впрочем, это будет скушно.
То be or not... такая чушь.
Не слушай, дорогой, не слушай.

Линия жизни

* * *

Вот и молись в ладони, вот и целуй распятие,
песни идут на убыль, просит любви дракон.
Это не время года. Это, раскрыв объятия,
стынет судьба над домом. Выйди-ка на балкон.

Выйди, взгляни на небо, тщетны ли все старания...
Свыкнуться невозможно с блеском больных светил.
Кто-то один на свете знает про все заранее,
что из росточка вырастет, знает, что посадил.

Спорить, бросая кубики. Переспросить: «Что выпало?»
Тайно внутри злорадствуя: на, мол, тебе, возьми!
Из этой чаши, видишь ли, я ни глотка не выпила,
Вот и уйду я, гордая, хлопнув тебе дверьми.

Через холмы зеленые, через пустые хлопоты,

поздно поняв, что, в общем-то, разницы нету, как,
с радостью озарения или, набравшись опыта,
доковылять до Света, пряча в карманах Мрак.

* * *

Верю — не верю. Как в карточной той игре.
Выбор не то, чтобы очень у нас велик.
Но от свободы, особенно в ноябре,
хочется то онеметь, то сорваться в крик.

Правда ли можно с Тобою молчать на «Ты»?
Мир получился. Но так ли, как Ты хотел?
Даже душа стыдится своей наготы,
не говоря уж о теле. А в мире тел
больше, чем душ, если верить, как древний грек.
Только не умер никто еще от стыда.
Но — от тоски, от Твоих невозможных рек,
где ни жива, ни мертва, а черна вода.

* * *

Это, любимый, уже не шутка —
это спокойная явь рассудка.
Зло и уверенно каждый признак
мне сообщает: твой город — призрак.
Вот я их вижу уже воочью
толпами, парами, в одиночку.
Призраки дышат моей тревогой.
Призраков много.

Холод недвижим и холод вечен,
он усмиряет волненье плоти,
даром, что умной и человечьей,
но неуместной, как сон в цейтноте.

Пренебрегая искусством речи,
он — господин. Это против правил.
И одного объяснить мне нечем —
что же он нас-то в живых оставил?

Или я брежу, что я живая,
плачу над городом из картонки,
к сердцу остывшему прижимая
куклу тряпичную, как ребенка...

* * *

Поуютнее местечка
Будто выдумать не мог,
Спит у нашего крылечка
То ли случай, то ли Бог.

До чего бывает странно

И неловко до чего
Каждым зимним утром рано
Перешагивать его.

* * *

Мы остались в гостях у неба
на посчитанном этаже...
В той эпохе, где был и небыль
кожей, костью срослись уже.

Кровь обнимет киношный ужас...
Что там дальше, и где мой брат?
Мост над бездной, микрона уже,
не выводит до райских врат.

Я, потомок державы прошлой,
руки выпростав, вопрошу:
«Чем же, Господи мой хороший,
я еще на земле дышу?»

Нету воздуха, как свободы,
нету Ноева корабля,
по спасенью ведут работы,
но устала от нас земля.

Даже сердце мое, до боли
хочет, взятое под арест,
тишины, как в морозном поле,
где не видно жилья окрест.

* * *

1

Единый Бог сидел втроем

Д.Хармс

Не то, чтоб мудр, не то, чтоб смел,
немного добр, хитер немного,
а все же человек сумел
единого придумать Бога.

И Бог теперь сидит втроем,
не вписываясь в окоем
сознания.

2

Поймешь ли ты, пойму ли я,
что мир греховен изначально,
и здесь дамоклова змея
висит над яблоком печали.

К чему небес немой укор —

еще сто тысяч раз за разом
нам знания умножат скорбь,
капризный дрессируя разум.

И нам воздастся, так и есть,
но повелось на свете белом,
что сапиенсу мало есть
и пить, и заниматься делом,
а хочется проникнуть в суть,
извлечь корней, разделить атом,
и, обалделому чуть-чуть,
смотреться в дуло автомата.
А после о добре и зле
порассуждать со знаньем дела,
наткнувшись в пепле и золе,
на неопознанное тело.

Письма важней свиданий

* * *

Озеро прячет рыб,
по берегам — трава,
от золотой жары
кружится голова.

Сосны растут в песке,
тропки уводят в лес,
будто на волоске
мы от больших чудес.

Странностям нет числа.
Ближний молчит, дурак.
Я бы его спасла,
если бы знала как.

* * *

Тайн не осталось для вкрадчивых глаз дракона,
страсть, становясь ручной, в область уйдет преданий.
Законы речи, смотри, сильнее других законов,
стало быть, так и есть, письма важней свиданий.

Письма важней...
Зачем хочется вон из комнат,
не признавать родства, выгнать судьбу вашей...
Город чужой, как смерть, муку твою запомнит,
не отличив от мук утренних алкашей.

В сердце уродец спит, тонкие лапы спрятав,
морда его хитра, он — первобытный страх,
и никаких нельзя выдумать тридевятых
царств без него, нельзя спрятаться во дворах.

То-то туда-сюда вечное мельтешенье,
другом тебе Платон, истине — грош цена,
вынь отпечаток сна — смутное предрешенье,
жизни твоей эскиз, выплаты дань сполна.

Черта ли шалаши, нам подавай подмости,
пусть нас увидят все. Кто может быть честней?
Буду и я звенеть глупеньким отголоском,
славить простецкий рай стиранных простыней.

Только зазря февраль высился долговязо,
нашу с тобой любовь в бережной вазе нес,
даже фантомы грез, даже герои сказок
вряд ли могли о нас думать вполне всерьез.

* * *

О, приходи, взгляни на палисадник пестрый
вчерашних бед моих и завтрашних побед,
ведь мы с тобою, жизнь, теперь почти что сестры,
поскольку у меня другой планеты нет.
Ты царствуешь легко, любых похвал превыше,
и я уже ничем оспорить не могу
твои колокола и голубые крыши,
весь город, твой насквозь, и тополей пургу.
Твой говорок картав, как диалект вороний,
но я смогу понять, и даже для других
я расскажу тебя, ты будешь славный стих,
я — буду бриллиант в твоей чудной короне.

* * *

Белое, да не смерть. Черное, да не край.
Ты говоришь: «молчи». Я начинаю петь.
Можешь сердиться. Да. Только не умирай.
Я еще не нашла дверь в голубую твердь.

Может, и не найду. Значит, нам вечно жить.
Елочные шары перебирать, смеясь.
Где-то в глухом лесу в ларчике не лежит
то, что прервет легко нашу с тобою связь...

* * *

Забывая «люблю!» восклицать, «ну конечно!», «очень!»,
я привыкла к тебе. Я привыкла, наверно, слишком,
потому как опять, извини, перед носом осень,
а в такой листопад даже мне, несомненно, крышка
без тебя, без твоих ерунду говорящих губ...
вот и жду, удивляясь, куда тебя черти носят,
и себе удивляясь — надо же, не могу
позабыть о тебе, так как будто не знала вовсе.
Раньше номер такой проходил, приносил плоды,
но теперь все маневры напрасны, и в танке глухо,

я сижу у окна, и откуда мне ждать беды —
неизвестно. Меж стекол покуда живая муха.
И растеряны все ее шесть или восемь ног,
бесполезные крылья приспущены, точно флаги,
но, похоже, она в состоянии таком давно,
да и что мне за дело до маленькой бедолаги.
Что задело? Смешное жужжанье сошло на нет,
породив тишину, в коей даже дышать неловко,
а когда немота подступает все ближе, мне
начинает казаться, что время, как мышь-полевка
ищет зерна мои, чтоб в свою утащить нору,
отбирает слова, забывает сказать «спасибо»,
и, подобно висящему там, на стене, ковру,
я учусь бесполезно молчать, чтоб молчать красиво.
В пустоте. Это то, что пугает тебя и всех.
Пустота — это звон, это сердце мое пустое,
это сорная травка, в такой же, как рожь, росе.
Пустота — это я. И с тобой мы друг друга стоим.
Впрочем, хватит. О чем еще может сказать письмо,
кроме двух бесполезных глаголов: пишу, скучаю,
ты придумал нам день недели, но он — восьмой,
и куда его деть, чтоб другие не измельчали,
чтоб осталась такую же скорость вращения лун...
Превращай его в дождь, раздавай его буквам, строчкам,
листьям, тихо лежащим на вечном сыром полу,
присылай его мне, присылай мне его по почте.

* * *

Хотя никак понять нельзя
чудную суть преображенья,
все хочется продлить скольженье,
на пешку разменяв ферзя.
Отдать бессмысленности дань,
и в мире истин непреложных
заикнуться на невозможном,
полив засохшую герань.

Насмешка в воздухе слепом:
ну, тоже горе — слез не лейте.
Как просто говорить о смерти,
покуда ею не влеком.
Синдром актерства вечно жив —
не различить где кровь, где краска.
Спешит неловкая савраска,
себя Пегасом вообразив.

И я, смятение свое
прозрачным словом обозначу,
возьму подкову на удачу,
освобожу твое жильё.
А ты мне выглянешь в окно,
как будто глянешь с пьедестала.

Никто не прав, а я устала,
а мир с тобою заодно.

За стеклом

* * *

Что ж, посидим, разлука, визави,
потерю мира осознав не сразу,
пока немая логика любви
по новой перекраивает разум.

Звени пичуга по чужой весне.
Сиротский свет без примеси тепла
вплывает сонно в комнату ко мне,
не замечая тонкого стекла.

Да разве свет? Не свет, а так, обманка.
Окно — граница. Баюшки-баю.
Там — бытие, а здесь его изнанка,
но я и здесь тихонечко пою.

* * *

Повсеместный отказ, как Господне законное право,
мой впитает зрачок, не расширив при этом окружность.
Не ищи, не играй — эта роль не окончится славой,
а, наверно, стыдом за неловкость свою и ненужность.

Научиться бы жить, как береза из бойкого детства,
течь прозрачной слезой в алюминий привязанной кружки,
где туман над Окой, и провидчески вдаль не вглядеться,
только пристань отсюда видна деревянной игрушкой.

Боль узнаешь всегда, даже если чужое надела.
Ничего бы не ждать — это ценное очень уменье.
Есть кровать у стены и усталость от слова и дела.
Без меня соберут, без меня разбросают каменья.

* * *

Столько времени — ни о чем,
пропоеет ли вдали петух
или дверь к нам толкнет плечом
чей-то мрачный заблудший дух.

Ариадны застыла нить,
электронные врут часы,
людям не о чем говорить —
то-то воют ночами псы.

Я бессмысленна, как сова,
коротая полярный день.
И какие ни взять слова —

будет вилами на воде.

Ты не склонишь ко мне лица,
но в запястье глухая кровь,
как птенец в скорлупу яйца,
все отстукивает любовь.

* * *

Не ты ли, жизнь, лгала, что ты — моя,
Что ты — родня, одной со мною крови?
Я обошла бы все твои края...
Но тонок ток твоей ко мне любви.

* * *

Вечность прячет в кармане не скорую помощь, но фигу...

Т.Алдошин

Я еще не рожден и, пожалуй, не зачат.

С.Кудряшов

Вот тебе, бабушка, день свободы,
от остальных бестолковых дней.
Стиковых могут быть холодней
околоплодные злые воды.
Как неохота рождаться в мир,
существованьем своим нарушив
правила всей необъятной суши.
Так опасается из тюрьмы
выбраться узник, давно сменивший
тяжесть неба на тяжесть крыши.

Так или эдак, удел наш горький
тщиться тащиться на чуждый запах
серую мышью с бедою в лапах
вместо зерна, вместо хлебной корки...

Спрячь меня, Боже, в своих одеждах,
ох, не давай по руке занятыя,
каюсь, не слишком я буду нежной,
после не спрашивай, где там братья.
Шарик вращается еле-еле,
братья по разуму надоели,
хоть одного по безумью брата
мне бы сыскать, хоть одну сестричку...
«Если душа родилась крылатой»,
разве возможно прожить синичкой
в тех рукавицах ежовых быта,
что никому не дают поблажек.
Метод неверен, но он испытан,
и механизм до отврата сложен...

Деревце, как ты цветешь нелепо,

разве возможно в широтах наших,
где позабыли о веснах, летах.
Как же тебе не страшно?

* * *

Мне избыток пространства смущает бессильный разум.
Боль утрачена, вещи лгут, не дурманит хмель...
Разбираю на части и снова скрепляю фразы.
Как же ты далека. Не дойти до твоих земель.
Не дойти, не доехать. Сидела, надув губенки.
Все казалось прохожим людям, что будем вместе.
Так же ввали и тексты и фото пленки.
А теперь поздравленья иду сочинять невесте.
Жизнь, голуба, из двух вариантов избрала третий.
То не зеркало врет, это пусто в доме высоком.
Распахни же глаза и не верь ничему на свете.
Никому. Даже я обману тебя ненароком.

Музыка, музыка непостоянна...

* * *

Не то, чтоб ясная заря,
не то чтоб тройка с бубенцами,
но — белый парус декабря,
и новогоднее мерцанье!

Печально оглядев застывший,
бурды отравной, милый друг,
плесни в пластмассовый стакашек —
возьми меня в последний круг.

Мы оба знаем, здесь не наши
ни почта и ни телеграф,
но наблюдаем, как нестрашно
детям радуется Альф,
как, ничего не говоря,
собака у подъезда мерзнет.
О, белый парус декабря!
Худой зимы мотивчик слезный.

* * *

Теперь не за горами лето
в скороговорке поездной,
но нет в руке моей билета,
и нет причины ни одной
признать неправоту событий...
а может, не хватает прыти
сказать адью, кивнуть и выйти
в июнь по улице сквозной.

* * *

А.Э.

1

Простите, как не приуныть,
Когда опять Фортуна-стерва
вдруг превращает нитку нерва
в Арахны серенькую нить.

И жизни ход смешон и страшен,
бессмысленно приняты мер...
Куда Вас поместить, мон шер,
во всем великолепии Вашем?

Скажите, может шардоне,
деревня, облака и рощи,
смотреть на вещи учат проще?
Все это вымысел, а не
реальность. Обольюсь слезами,
но грош цена моим слезам —
что там, в Москве, что здесь, в Казани,
не открывается сезам.

2

О, не сносить мне головы,
И все сильней смятенье духа:
Вы — Музыка, но я — увы —
похоже, не имею слуха.

3

Музыка, музыка непостоянна,
краски сухие упали с холста,
пообещали покой и нирвану,
а суета, суета, суета...

Меряться нам ли делами, долгами...
Боже, какой неожиданный пыл —
биться в истерике, топтать ногами...
Был? Я не знаю. Наверное, был.

* * *

Когда я что-нибудь сказать найду
хоть в нынешнем, хоть в будущем году,
тебе — бродяге, гордецу, герою,
я, все равно, конечно, это скрою.
Всего и дел, что облегченья ради,
поведается, может, пара строк
какой-нибудь наташе или наде,
о том, что вот мне Бог, а вот порог.

Над будущим мы властны лишь пока
оно не станет прошлым, это жалко...
Жужжит тихонько греческая прялка,
и нить ко мне плывет издалека.

* * *

Конец февраля, конечно, еще не повод
грезить всерьез недалеким мерцаньем лета,
ибо пока лишь телефонный провод
соединяет непрочно вопрос с ответом.

А у меня, как у китайских чашек,
стенки прозрачны, и ждут дождевой влаги.
Исповедимы ли будут дела наши,
или, всего лишь, написаны на бумаге?..

* * *

Даже это любовь, умиранье в нескором снегу...
И не ты, и не я, а какие-то два персонажа.
Я хочу улыбнуться, хочу забуриться в тайгу
и уснуть под сосной, не истратив судьбы и пейзажа.

Все пройдет насовсем, не смотри на меня свысока,
разве сам ты спасен от горячечной кровной обиды,
что любил, как дурак, и любили тебя, дурака,
но ни повода нынче подать невозможно, ни вида.

* * *

Дай мне, Боже, волшебное лето:
Созерцать голубой виноград,
Проплывая в пыли в сандалетах
Вдоль плетения южных оград.

Море ворох имеет обличий
На сейчас и на случаи все.
Молодой золотой пограничник
По прибрежной идет полосе.

Как я помню не штормы, не штили,
Не спасательный правильный круг,
Не бессонные мачты флотилий,
Но соленую оторопь вдруг.

Но безлюдье до края планеты,
Горизонта кривую зарю...
Как я знаю, что кончится лето
И о нем говорю, говорю...

* * *

Вокзальный шум, вокзальное старание
повременить. Еще не подан поезд.
Мы обо всем подумали заранее,
теперь бы вот шагнуть, не беспокоясь,
на близкие вагонные ступенечки,
ни злостью, ни виной зазря не мучиться.
А там внутри — веселая попутчица,
печенье, лимонад, в кулечке семечки.

Пусть города, в которых жить не выпало,
стоят себе, напрасные, как дождики,
на долю их придут еще художники,
щеками пламенея ярче вымпелов.

Куда там Лобачевскому и Риману —
пространство меж кончиною и родами,
в котором, убегая огородами,
услышать вдруг: «Давай, с собой бери меня».
А если нет, не стоит огорчения.
Меж нами нынче строчки аккуратные...
Умри, тоска, не вздумай дать попятного.
Вот он — билетик с пунктом назначения.

* * *

А доступность пространства вот уже под вопросом.
Да и кто мне сказал, что мы будем играть по правилам?..
Станем эхом зимы, достоянием ее белесым,
что старуха со зла по чужим городам отправила.

И послушно протаясь, почитатель иных Евангелий,
ты поймешь, пропадая, застигнут немой порошею:
чем суровой мороз, тем нежней за плечами ангелы,
и что добрый, что злой берегут от любви непрошеной.

* * *

Все обратимо, и это конец листа
Мебиуса. Теорема о ловле смысла.
Что ты один — не страшно, но ты устал.
А двуногие любят дым коромыслом.

Им не наскучил веселый вселенский хлеб;
пляшут, дрожат завлекалочки интернета.
Вымойте руки, придумайте светлый блеф,
выдайте же, наконец, пропавшее лето.

Где оно, где?! Мы с тобою его должны
вместе прожить и раздать, растерять, чего там.
Связи, причины и следствия так сложны,
что остается вернуться в точку отсчета.

Маленькая жизнь

* * *

Еще один на белом свете
зеленый май. И красный свет
на перекрестке. Милый, верьте,
особой грусти в этом нет.

Любить, спешить, искать навстречу,
при встрече нервничать слегка,
менять местами части речи,
смотреть на звезды, облака.

Дурить, смеяться, целоваться,
быть откровенной невпопад,
уже предчувствовать разлад,
во всем на свете сомневаться.

Закономерного итога
достичь в финале всей возни,
воскликнув: «Скатертью дорога!»,
внутри подумать: «Черт возьми!».

Сказка

Твой. Закрывай глаза. Прячь в одеяло смех.
Это тебе не сон, это тебе не жизнь.
Чистый пустой эфир, вакуум без помех,
можешь любить — люби, можешь держать — держи.
Можешь — останься здесь, и от разлук болей,
можешь — тихонько пой, лучше всего — молчи.
Верь обещаньям щук, жди тридцати трех лет,
думай себе в избе, слушай огонь печи.

* * *

Я пробираюсь путем окольным
В царство твое, никого не слушаю.
Месяц — вопросом обеспокоенным
В небе торчит над твоей избушкой...

Псы обезумели, лают бешено —
Запахи чудятся им нездешние,
Шорохи, шелесты, плеск ручья...
Птицы волнуются: «Чья ты? Чья?».

Сонных стогов, земляники скошенной,
Ветра, берез, облаков, зверья.
Что из того, что иду непрошеной,
Всем направлениям я — своя.

Вот все четыре веселых стороны,

Все для меня или я для всех,
Ближних, далеких люблю я поровну —
Разве же это грех?

Но белый свет ничего не значит,
Я принесу его в дом пригоршнями,
На, забирай и владей, хороший мой,
Только меня заberi в придачу.

Не прогоняй, ведь судьба — что мельница
И жернова ее так безжалостны...
Не позволяй мне уйти, пожалуйста —
Ночи темны... пусть окошко теплится.

* * *

поле смешней раскладушки
яркого дикого цвета
ах ты моя нескладушка
ах ты упрямое лето

птичьи шальные коленца
брошен коричневый прутик
нежности черный лоскутик
выдай мне ключики к сердцу

мелочь остаточек малость
как же поешь хорошо ты
синим зеленым и желтым
красного чтоб не осталось

к черту медвежьи малины
шортики юбочки брючки
и не подглядывай злючка
умненьким глазом совиным

* * *

Ах, все там взаправду, и все там вранье,
и темное, в сущности, дело.
Усталость моя и веселье мое,
и скука моя без предела.
Не спать. Не теряться в полуночном сне,
по-детски зарывшись в подушку.
Всамделишний рыцарь на белом коне
катает чужую подружку.

Звучание крыльев взлетающих птиц
под родственный взгляд конвоира
и сотня-другая невидных частиц,
лежащих в фундаменте мира —
не слишком-то густо. Но знать наперед,
что, к нашему общему счастью,
поэт, как положено, весь не умрет,

умрет лишь ненужною частью.

Хитрец погадает, и речь объяснит,
а жизнь перепутает масти —
под компасом нашим припрятан магнит
абстрактной, но яростной страсти.
Оставь человека совсем одного,
и он уподобится вещи.
Поди, принеси я не знаю чего,
но так, чтобы стало полегче.

* * *

Все хлопали музыкантам в красивых таких рубашках
и памятник был Шаляпин за ними, как Командор,
но сценой была брусчатка, где худенькая бродяжка
плясала, изображая безудержности задор.

В бездомных домашних тапках, походкою невозможной
ввергая тупых подростков в почти истеричный смех,
танцуй. На земле не нужно ни истины непреложной,
ни грез, ни любви, ни веры — боль заменяет всех.

В немислимом одеянье, в коричневом одеяле,
без капли напрасной злости, беззубый рот приоткрыв,
кружилась легко и плавно, а мы за чертой стояли,
послушной не веря скрипке за сладкий ее надрыв.

К шестому июня

Это каждому известно —
что в обыденном миру
гениальность не уместна,
и всегда не ко двору.
Никогда не будут правы
те, кто рвутся из постромок.
Только ветреный потомок
сможет после крикнуть «браво».

Что ты видишь из окна —
то ли вьюга, то ли стачка...
Как веселая циркачка,
жизнь отплясывать должна,
чтобы в сердце у поэта,
где лишь мусор и зола,
Истина росток дала,
любопытством обогрета.

Изумление итожа,
двести лет прошло, и вновь
врали, врали про любовь,
поднося цветы к подножью.
Мы выходим, господа,

почитать стихи трамваям,
и на Пушкина киваем
без зазрения стыда.

Потому что мелковаты,
потому что страсти нет,
на семь бед не наш ответ —
мы ни в чем не виноваты.
Но в России жить не скушно,
даже лежа на печи.

И мы однажды не смолчим,
дорогой товарищ Пушкин.

Четверостишья

* * *

Не то, чтоб на грани и рубеже,
но радости в бедной моей душе
так мало осталось на черный день,
что, может быть, он наступил уже.

* * *

Приходи ко мне в монастырь,
приноси с собою устав —
все законы у нас просты:
кто любим, тот всегда и прав.

* * *

Как жалко смотрится ничей,
будь то мужчина или пес,
но нет вопроса горячей,
чем о свободе злой вопрос.

* * *

Казалось, все. Но, как же это?
Достав туза из рукава,
отняв у осени права,
не уместилось лето в лето.

* * *

Выбери мне маршрут и гордо вручи билет,
Не все ли теперь равно, куда теперь уезжать.
Мне не любить тебя вечно, и даже всего сто лет.
Это — закон природы, не нам его нарушать.

* * *

О, я не причиню тебе вреда
в угоду хитроумному питону!

Будь так же светел, мой смешной Адам,
пусть яблоко достанется Ньютону.

* * *

Бесполезно лечить — совершенней не будет кончины,
чем свершиться когда-нибудь, а не свершенный пока —
говорить-горевать, не смолкая, не пряча причины,
не пугаясь, впрягаясь, как мерин, в ярмо языка.

Снег

Вот два моих безумных сердца — глянь.
И ни за что тебе не догадаться,
что здесь куда сложней, чем у китайцев,
разъявших пустоту на Инь и Янь.
Перекрича призыв осенних стай,
не требуя правдивости от снега,
скорее, Мир, вещами зарастай,
плыви скорлупкой нового ковчега.
Плыви, плыви. Никто тебе не враг.
Никто не друг. Мы все начнем сначала.
Ты, новенький, еще не знаешь, как
вокруг молчат, чтоб песенка звучала.

Мне надоело жить в чужих домах,
глядеть во двор с тоской неизъяснимой,
что вот он, вечер, и в его потьмах
проходит жизнь. Она проходит мимо.
И в этом стыд и горечь бытия...
Но если я и впрямь подобье Божье,
то я смогу. Меж выдумкой и ложью
ты будешь, радость, целиком моя...

* * *

Вчера был снег. И таял, не спросясь.
Внезапно понимая: «Это — первый»,
все видели, как он ложится в грязь.
Зима. Зима. Посвистывая нервно,
какой-то кроха из разряда птиц
собратьев убеждал, что скоро, скоро...
Но, не вникая в тонкость разговора,
я знаю, нет у холода границ.
Никто не прав обиднее, чем ты.
Пора ли солнце отнести в починку?
Я изучаю впрок твои черты,
а надо мной небесная овчинка...

Вчера был снег. Он был совсем нелеп,
он исчезал в моих ладонях теплых,
а рядышком дворняга ела хлеб,
косясь на отраженья в темных стеклах

смурных домов. Мы на правах гостей
скитались там, в старинных подворотнях,
изображая то ничьих детей,
то чьих, но злых, а то иногородних.
Учуяв четко страшное родство,
и пес, и я молчали, как чужие,
и долго по окрестностям кружили...
Наверно, это было колдовство.

Вчера был снег. И ты ко мне не шел.
Зато сегодня все переменялось.
Все хорошо. Все слишком хорошо.
Ну не мешай, влюбляйся, сделай милость.
На два столетия хитрых этих дел:
привет, прощай, уйди, останься, хватит.
А я все та же, но другое платье.
А разве ты не этого хотел?
Мой друг сказал: «Мы рисковали всем.
Теперь же это, видимо, не в моде:
за ради ярких фантиков поэм —
на карту все. Той карты нет в колоде».

Вчера был снег. Я видела его
на площади, где поворот трамвая.
Часы горели, не переставая,
и не было на свете никого.
Был памятник с трибуной, был фонарь,
но не было к кому прижаться тихо
и не будить заспавшееся лихо,
покуда не пришел еще январь.
Там каждый день слышны колокола,
расталкивая прочий шум, навстречу.
Да вправду ли, я там тогда была?
Теперь, пожалуй, даже не отвечу.

* * *

При чем тут снег? Ах да, он был вчера...
Но как бы нас они не огорчали,
жизнь лучше, чем покажется с утра,
с похмелья. С перепугу от печали.
Мои сердца синхронны, как в воде
дуэт пловчих, перемещаясь ловко.
Летит на небо в пятнышку коровка.
Мои сердца плывут. А я-то где?

Катунь

I

Что тебе рассказать про веселую речку Катунь?
Там водичка мутна, и шумят, потешаясь, шиверы.
Там нужна не одна на команду, а восемь фортунов,

Спасжилеты и каски — наивные символы веры.

Пить катунскую воду из бочек, роня весло.
Может, ради таких вот восторгов и стоит родиться.
А потом выгребай, чтоб в воронку тебя не снесло,
И сто грамм за порог позади — нерушимость традиций.

Возвращаются все на Катунь, потому что нельзя
Не вернуться, раз сердце, как в улове, жить остается
Средь алтайских вершин, где под утро дожди моросят,
А потом разгуляется, и появляется солнце.

2

В травке Веселой поляны
Суслик шуршит, ошарашен
Чьим-то раскатистым храпом —
Спят по палаткам туристы.
Снятся Шабаш с Ильгуменем,
Снятся инструктор сердитый.
Горы спускаются с неба...

3

Там, где голос лета звонок,
У Катунь-реки упрямой,
Бродит черный жеребенок
За своєю белой мамой.

Вислоухий шалунишка —
Пес за службу ждет награды.
Эдельвейс, забытый в книжке, —
Две секунды нежность взгляда.

Вечеру придут потренькать
На гитарах двое бардов...
Спой «подлодку», Женя-Женька,
Про «простимся» петь не надо.

4

Брызги водопада,
зайчик фотовспышки,
Узкая тропинка,
кустик облепихи.
Вон сбегает с горки
Аничка вприпрыжку
У нее выходит весело и лихо.

Новая на карте
появилась метка,
Стал синей на речку
мой уютный глобус.

Камушки на память,
лоскуток на ветку,
И в пейзаж алтайский —
голубой автобус.

5

Стыки рельсовые громкие,
За окном — поля, поля.
Кажется, что едешь кромкою,
Где кончается земля.

В проводах столбы, как елочки —
Электрическая сеть.
Положи себя на полочку —
Так удобнее смотреть.

Байкал

1.

Мы никогда не встретимся, наверно,
В буфете под названием «Лаверна»,
Где за окном подремывает Глазов,
Кругом ромашки в самодельных вазах —
Бутылках из-под кетчупа. И водка,
К которой завсегдашняя селедка.
В глуши души моей живут сомненья:
Нельзя ль прибегнуть к помощи гаданья,
Чтоб на предмет разлуки и свиданья
Порасспросить безмозглые растенья?

Не любит. Любит. Соль не в расстояньи.
Я не боюсь мельканья чуждых станций,
Но кто сказал, что тяжелей остаться,
Тот ничего не смыслит в расставаньи.

Возьми ж меня, надежда, на поруки —
Тебе-то ведь известно хорошо,
Как сердце в ожидании разлуки
Сжимается испуганным ежом.
Ежонок мой, нестрашные иголки,
Нам ничего на свете не грозит.
Глядим на мир с вагонной верхней полки —
Сибирь, как театральный реквизит.

2. Тыя

В ее названьи — ты да я,
А значит, уговор-то в силе,
Куда б нас черти ни носили
И сколько б ни было вранья.

Ой, накомарничек надень.

Как комариный звон неистов!
И понимаешь в первый день —
Тайга — не место для нудистов.
Скорей к реке, без лишних слов,
Где красной лодки борт приветит,
Чтоб без весла тебя несло
По лучшей из дорог на свете...
Но невозможно угадать,
В какую сторону фарватер,
А где — завал, и мель, и мать...
У каждой речки свой характер.

И мы, однако, не впервой,
И знаем, что бывает всяко,
Когда веселый рулевой
На берегу не видит знака,
Куда держать по ветру нос,
Куды ж нам плыть? Вот в чем вопрос.

А впрочем, нужно ли решенье?
Бездомным хорошо везде.
И длится тихое скольжение,
И лодки ходят по воде.

А там, на дне, — цветные камни,
Немого хариуса мельк,
И тайна. Боже, на фига мне
Другие сны других земель?

Но путь проложен к морю. К морю.
И я не спорю. Я не спорю.

3. Шторм

Бывают разные походы:
Кто — за туманом, кто — в тайгу...
А я у моря жду погоды,
На беспокойном берегу.
И дождь моряцкою походкой,
Качаем ветром и гоним,
Кругами ходит, дразнит лодку,
И время — хвостиком за ним.

Возьму блокнот. Сперва от скуки,
А после — вывезет куда
Кривая горестной науки
Словами — рыбку из пруда.
Прости, мой маленький глашатай,
Мой разобиженный курсив —
Нам не о чем поведать сжато,
Волнение изобразив.
Все происходит, слава Богу,

Какую тему ни затронь.
Все происходит понемногу
И в искре теплится огонь.
Все вперемешку — кадры лета
В кино о прелестях зимы.
От нарушений всех обетов,
Как от суммы и от тюрьмы
Не зарекаюсь. Камень Будда
Меня научит простоте.
Сбывайся, жизнь моя, как будто
Чужие краски на холсте.
И, понукаема Творцом,
Люби меня хотя б немножко,
Чтоб домик твой на курьих ножках
Ко мне повернут был крыльцом.

Ах, господа, фольклор — фольклором,
Но с дымом медленным в трубе
Нас не встречает дом, в котором
В ладу сойдутся А и В.
Чуть отоспавшись на диване,
Душа в желании тверда
В рыбачью сетку расстояний
Ловить шальные поезда.
Пусть до смерти осточертело
Полцарства прятать в рюкзаках,
От А до В, такое дело,
Теперь Байкальская тайга.
Вернуться б шепотом и тенью
От невозможности устав
Подобно тихому растенью
Коснуться кожицей листа.
И восхищенно перепутать
Страну и жизнь. Заснуть. Заснуть.
Мучительное перепутье
Не выбирая, прошмыгнуть.

4. Тропа

Саша, Леня — два каюра,
Эвенкийская культура.
Раз олень и два олень,
Но оленям топать лень.
Ногдылгун и Муянкан
Не привыкли к рюкзакам.
Брось веревочку-уздечку,
Раз нога и два нога.
Если ты не Богу свечка,
Значит черту кочерга.
Мы на озеро Фролиха,
Добирались очень лихо,
Окунь раз и окунь два,

Закружилась голова.
Нынче даже дяде Феде
Чудились в кустах медведи,
Где дышали то и дело...
К вечерочку потеплело.
Много-много песен-песен,
У костра кружочек тесен,
Ну, а сколько понимастья
После спирта после бани!

5. Домой

Чужая песенка прекрасна,
Светлы чужие берега,
Но хочется, как ни напрасно,
Тепла родного очага.

Очаг и ложе. Много ль надо?
Но никогда никто нигде
Не получает их в награду,
Растратив жизнь по ерунде.

На ерунду. На истин поиск,
На бегство от себя в себя.
Вконец собой беспокоясь,
И о себе, родном, скорбя.
На трапе, в тамбуре, в каюте,
Твердить, что мир к тебе жесток,
Мечтать о сне и об уюте,
На дальний запропав восток.

Ну, засыпай, смешное лихо.
На память камушек в карман.
Хочу домой. И яхта тихо
Скользнет в простуженный туман.

Бывает ли, скажи по правде,
Чтоб высь под крышею жила?

Хочу домой. Чего же ради?
Бесплотна видимость тепла.

КомпАс главенствует в тумане,
На час безвидности — калиф.
Не уличима жизнь в обмане,
На запад стрелку наострив.

А небо в пятнах от известки.
Любовь — мой дом, и гран мерси...
Весь мир, заплаканный и плоский,
В чужих зрачках ее висит.

Водица в решете

поэма

— Доктор, я буду жить?

— А смысл?

.....

ну ясен пень что Вы совсем другой
и мы совсем другая не иначе
но так же своего стыдимся плача
и так же бодро топаем тропой
проложенной не нами что лукавить
и не для нас а бог его пойми
для чьих там ног поэмы не исправить
бок о бок Мы увыви мон шер ами
хоть Ваша плоть совсем другого теста
и из нее получится калач
а не хотите вот Вам смерть невеста
и свадебный колпак надел палач
здесь делать шаг не то чтоб неприятно
скорей у Вас сноровки нужной нет
а посему мой дружеский совет
впредь спутниц выбирайте аккуратно

1

Герой не то чтоб то что мы хотели
немного сноб совсем немного трус
но может быть напрасно я боюсь
и Он еще себя проявит в деле
хотя к Герою относясь на Вы
не ждите от него особой прыти
быть может Он повыше той травы
но тише и не сделает открытий
в своей душе она совсем потемки
и нам не хватит многих сотен ватт
чтоб выяснить какой же там расклад
и хочет ли вообще Он быть Героем
пусть хочет для Него сюжет построим
чтоб к внутренней тюрьме своих желаний
Он гармонично внешнюю дополнил

2

и так Он весь во власти произвола
с творящей то есть с нашей стороны
не будем сочинять Ему страны
она уже суровой жизни школа
как в целом вся юдоль земная наша
творец из тех что будут поглавней
и тот стерпел не так уж много дней
всего в годах сложилось тридцать три
чего уж нам хоть сразу ляг и мри

но сразу умереть немного страшно

Герой живет но спит себе покуда
в Его полшара солнышко не светит
усатая будильника паскуда
щадит цветной как фантик на конфете
шуршащий сон ему осталось длиться
каких то там минуты полторы
потом придется выйти из игры
и в ванную умыться и побриться
и дальше жить весь день от сих до сих
отсюда грусть ведь этот подвиг тих
не то что запалить чужие танки
с небес свалившись жарким самолетом
спася свои же бранные останки
от прелестей гниенья и не то что
по клюквенному выползти болоту
пространства длинноту переупрямив

3

о чем я да Герой премило спит
во сне имея романтичный вид
румянец на щеках Его чуть чуть
Он будто понял в чем у жизни суть
и мы читатель вовсе не хотим
сказать что Он законченный кретин
Он тоже слышал грустный анекдот
и смотрит с опасением вперед
в грядущее оно уже настало
сказать по сути изменений мало
все так же страсти нет и нету денег
и может Он законченный бездельник
но даже взгляд сквозь трудолюбья призму
добавит вряд ли теме оптимизма
а впрочем на дворе Его весна
и древние инстинкты тут как тут
и сам Он весь стремительный как «Ту»
Герой пассивен лишь во время сна

4

Герой пассивен что же делать нам
ведь наша роль и вовсе не видна
а ходики идут себе идут
смешно но страшной тайны нету тут
колесики пружинки циферблат
военный вспомнишь правильный парад
уран распад и бесконечный ряд
последнее абстракция она
в каком то смысле вовсе не дурна
и служит подтверждением того
что мы конечны все до одного

и это есть предмет страданий наших

5

апрель рассвет сегодня пароход
откроет навигацию на волге
и это будет в лето переход
и этот переход не будет долгим
с весной простимся не сошлись виною
напрасно вместе честно ели соль
она со льда а я глотая слезы
она не стала близкой и родною
скорей в телеге пятым колесом
но научила не бояться прозы
итак мы удаляемся оттуда
себя немножко чувствуя иудой
оставив недоеденных полпуда

6

вот интересно кто же мне Герой
мое творенье мой прекрасный муз
я утверждать что либо не возьмусь
Он материк поди его открой
и все таки в году бывают дни
когда Он мне становится сродни
и я как будто новый христофор
америку не вижу в Нем в упор
позавчера Он грустно выдал вслух
о чем нельзя чтоб было между двух
людей таких как скажем Он и я
поскольку мы и близко не семья
скорее я служу Ему причиной
как женщине извечно полагалось
но боже мой какая в этом жалость
Он нравится мне больше как мужчина

7

мы без Него довольно много строк
а Он все дрыхнет будто твой сурок
но свыше нам отмерен нужный срок
и мы с морфеем ссориться не будем
он лучше знает сколько нужно людям
часов для восполнения нужных сил
за это скажем боженьке мерси

поэма будто некое растенье
всегда найдет куда пустить побег
она уже торопится к тебе
ты видишь ли дружок ее цветенье
она уже в тебе пустила корни
и самого тебя уже беспорней

ее существование на свете
так в нашу жизнь приходят наши дети
и мы бежим по маленькой орбите
коляску молоко и распашонки
и ползунки еще ему купите
весь мир теперь живет вокруг ребенка
вот так опять мысль течет по древу
наталкиваясь радостно на еву
на змея и на яблоко греха
и дальше ткуются простыни стиха
творения простая процедура
заводит нас и сам не ждал куда
и это в общем вовсе не беда
и хочется назвать литературой

на черном шрифте виснет белый лист
приятно знать что что-то есть вовне
пространства
полутемный вечно лифт
об этом представленье даст вполне
пусть знаем мы что за стеной стена
в подъезд
и в лифте нет двойного дна
разбор геометрических красот
от пустоты боязни не спасет
она сосет под ложечкой пока
висит над бездной нужная строка

8

сон тоже про летание над бездной
летанье вообще процесс полезный
оно то нам забыть и не дает
что есть еще летальнее полет
хотя такой материи печаль
отправим-ка малыш покуда вдаль

служенье муз не терпит пустоты
а суета прикрытые мест пустых
ее лоскутьев фиговы листы
повсюду будто вербные кусты
мешают видеть синий горизонт
и есть внутри настойчивый резон
очистить от подобных штучек взор

9

возьми меня на север и на юг
я для Тебя сумею быть любой
возьми меня куда-нибудь с Тобой
нельзя оставить вне судьбу свою
но Ты невосполнимо где-то спишь

10

пренебрегают логикой стихи
и этим самым вспугивают тьму
порою неподвластное уму
из недр выбирается глухих
и бродит по сознанию без забот
а мы как рыбы открываем рот
и закрываем мы не доросли
зачем его к нам черти принесли
вот так и здесь явился некто Ты
в Тебе Героя прячутся черты
как будто Вы и вправду двуедины
уже поэма дальше середины
близка конца венца кольца столба
а выступать как глупая судьба
я так и не привыкла что же дальше
как на предмет обнаруженья фальши
в кино монеты пробуют зубами
слова шепчу верчу кривлю губами
но для сюжета оснований нет
Герой молчит не по моей вине
и я не знаю что произошло

11

я знаю только выраженье глаз
полуулыбку профиль и анфас
откуда это все известно мне
ведь мой Герой всегда в глубоком сне
и не сказал мне даже пары фраз
все это ночь тоска и сдвиги фаз

жаль мы нелепо расстаемся с Ним
проснется и куда-нибудь уйдет
не зная что теперь наоборот
моей поэмой бережно храним
во сне своем и только
Он живет

12

простимся и сюжет тут ни при чем
в ответе Он что Он не приручен

.....

с умильным выраженьем на лице
Герой проспал Герой остался цел
вокруг гулял задумчивый торнадо
но мыслей одичалых перепады
и настроений медленные танцы

ни краешком не тронули заспанца

Он нужен был как некий символ важный
в кого смотреться долгим взглядом влажным
но что дружок обиднее всего
Он был любовь и не было Его
за весь наш спор Он не издал ни звука
Он был любовь и жизнь моя и скука
сквозь решето сознания моего
Он посмотрел не более того
но донести водицу из колодца
и в решете порою удается.

Восточный вдруг

1

Спит служитель движенья дорожного
на посту, с атрибутом в руке.
Только все равно будь осторожнее —
нам же нужно пробраться к реке.
Это при-город, вы-город, за-город,
глупой птицы коротенький крик,
рань рассветная... Медленно, загодя
указатель печальный возник.
Мы свернем на ничейную просеку,
свет, как в лифте, задумчив и тускл...
Наших три заблудительных сосенки,
а за ними затейливый спуск.
Черный бисер случайной смородины,
гриб, раздавленный чьей-то ногой...
Это родина? Может, и родина,
может, просто туман над рекой...

2

Се-мантика. Чудное покрывало.
То — мантия — судьи и короля...
Не плачь, Гертруда, ну же. Ву а ля —
его на свете не существовало.

Бледнел восток, пустыня шла ко мне,
но бедуин в прохладные ладони —
меня принять не мог — я нынче вне
беды его. Она меня не тронет.

Оазис мой не низок, не высок,
глядит варан на новые ворота,
и капелька серебряного пота
у стражника стекает на висок...

Песок и пыль в прорехе межоконной...
Переходи скорее рубикон,

играй со мной без правил и закона,
тем более, что слеп любой закон.

3

Южное лето

Чужие стройно вплыли в дом
и в тапочках командуют...
Не плачь, маруся, переждем
меж кухней и верандою.
Ведь это — лето, черт возьми!
Оно на то и послано,
чтобы всегда — между дверьми,
чтобы казалось после нам,
что жили помидоры в ряд
почти в гостиной с ковриком,
а яблони тишком стоят,
припавши к подоконникам.
Хоть летом-то везде — жилье —
что дом, что сад, что улица...
И все мое, и все твое —
чего ты, дура, хмуришься?
Все так и будет в этот раз.
Найди мне плошку кошкину —
кто кроме нас поест ей даст?
Она у нас хорошая.

4

Попробуй скажи, что в тебе накопилось...
Все листья и листья, все лисья повадка
Мелькнуть рыжегато в осеннюю сырость,
Покинув столицу эпохи упадка.

Китайский фонтанчик сломался моментом,
И камушки гладкие перебирая,
На ум почему-то приходит «memento...»
А море — все время — загадка вторая.

Подруга молчит в упоении странном —
Вишневый табак, фиолетовый сумрак...
А я упираюсь, как стадо баранов,
Средь верхней одежды, ботинок и сумок.

Не хочется в гости, но где-то подспудно
Пульсирует в венах, а значит, готовься:
Постой, одиссей, разворачивай судно,
На острове этом нас не было вовсе
Пока...

5

К.Б.

Вагоновожатый вежливый: «Осторожны будьте».
Да нет, это пленка. Диктор советского радио.
Продавец билетов ежится в сонной будке,
а нам радостно. Весело.
Непонятно, чего ради
мы приперлись в столицу, слух ее раздражать
говором — русским, конечно, — но не московским.
Нас не полюбят швейцары и сторожа,
и не узнают ни Пушкин, ни Маяковский.
Только одна женщина, добрая, но справедливая,
кофе предложит заморский жаркой Джакарты.
Славная жизнь — кочевая, пустая, счастливая...
и двенадцать единиц телефонной карты.

6

Правда и то, что на свете востока нет —
запад везде, хоть с какого конца ищи.
Всюду закат... попадешь, словно кур в ощиц,
в этот багрянец, в мерцанье его планет.

Дай, Кали-юга, побаловаться теперь,
раз все быстрее приближается мир к нулю,
пусть за одно безоблачное «люблю»
мне открывается сразу любая дверь.

Маг и волшебник, меня ночеватьпусти —
прочих «сезамов» сильнее такой «сезам».
Речи не верь и слуху, не верь глазам,
только сердечному стуку в твоей горсти...

7

Зачем репетиции? Разве не каждая
Дурацкая реплика — с нужным эффектом?
Придет золотая, святая, вальжная,
ничейная публика, сядет в буфетах.
А ты для него лишь, во мраке невидного,
выделывай па, выводи, выкаблучивай,
как глупый петух, что незлой до обидного,
танцует, железом каленым наученный...

А любо ли, кто его знает, красивого, —
попробуй, пойми. Да и пробовать нечего.
Все всхлипы и выкрики не компенсируют
спокойную тихую гладкую речь его.

8

Мне не понять золотых восхождений Будды...
Страсти владеют душой у меня и телом,
Люди, собаки, деревья, стихи — как будто
Все это вместе еще не осточертело.

9

Неужели вправду, Анна,
называется любовью
эта сумрачная странность —
невозможность быть собою?..
Что прошло, то будет мило,
что написано — случится...
Все ли ты купить забыла?
Там в окно трамвай стучится.

Рельсы, Анна. Дом. С-куль(п)тура.
Проливай, не торопись.
Это все литература,
это все дурная жизнь...
Все чужая. По задворкам.
Все кружение, все полет...
Чьих молитв порядок горький
прочь из круга не дает?!

10

Рекламный неон заходил в истерику,
но мы на него не смотрели во(о)бще.
Оставьте, Колумб, неоткрытой америку
среди чертовой прорвы подобных вещей.
И нам козырек остановки троллейбуса,
нечаянно спутал гармонию карт —
бессмысленна формула Ньютона-Лейбница,
когда в голове то ли март, то ли арт.
И кажется, мало ли, много ли прожито —
апрель впереди, а зима позади.
Не знаю, чего же мне хочется больше-то —
сказать: «до свиданья», сказать: «погоди»...

11

Ты добавляешь имени моему
лишнюю резвость, а просишь иметь терпенье.
Пауза, площадь под солнцем в твоём Крыму,
и повторение кадра, и повторенье.

Это неправда, что жизнь потеряла вкус —
вкус теперь тонкий, а сон беспокойно-чуток.
Резкость пропала... Ты помнишь, кизила куст
делался розов в вечернее время суток?

В городе жарко, и кажется пыль золой,
но, все равно, мы чуть-чуть обманули сроки,
завтра прибой зашумит, по-морскому злой —
ветер проснется на Волге моей широкой.

За стужей льды затягивались туже
уже едва виднелась полынья —
внутри темно, но так бело снаружи,
тонки, неосязаемы края.

А где-то там, на острове Буяне,
крючок забытый жметя меж камней,
и светит невозможное сиянье,
и трогает теперь еще больней.

О, рыба, рыба! Раненой губою
не ты ли мне доверила слова?
Они теперь живут во мне гурьбою,
а ты уже давным-давно мертва.

Другое платье

* * *

Человек, скажи.
По его следам
я пришла к твоему крыльцу.
А тебе Господь говорил: «Воздам»,
Значит, врать тебе не к лицу.
Говори, не прячь — я живу, поверь,
только слухом в моей степи —
Где он ходит, мой очень редкий зверь,
что он делает, как он спит?

Пусть он будет вечно красив, здоров,
пусть играет в свои слова.
Дай мне дом стеречь от плохих ветров,
в пиалу наливать отвар.
У него такая чужая стать,
непонятно какая боль.
Утешеньем ему и опорой стать
хоть на час...
Позволишь?
Позволь...

* * *

Ищешь плавки по комодам,
Я разглядываю тюль.
Долгий зной тягучим медом
В сотах дней хранит июль.

Крыл стрекозых трепетанье —
Праздник света и слюды.
Не осознанная тайна —

Целый пруд живой воды.

Исполняйся, отпуск длинный —
Здесь, что вторник, что среда —
Куст крыжовник, куст малина,
Вдоль забора лебеда.

Это дача. Мы на даче
В междувременье парим,
Руки моем, лейки прячем
И о море говорим.

* * *

В.Ю.

Не сможешь ты. И я бы не смогла.
Да кто сумел бы выбраться из плена,
пока жужжала тоненько юла,
свивая быт из жизни постепенной?..
Как мы дорожки расчищали для
колес колясочных, и шмель дрожал от смеха,
и мы гоняли дерзкого шмеля,
и пили чай, и думали уехать
подальше, к морю. Море, море, мо...
а сад зарос крапивой до крылечка,
а в доме предстоит большой ремонт,
дымит камин и плохо греет печка.
Но утром рано соловьи орут,
и начат день с прогулки, как с обряда.
Тугих смородин юный изумруд
из рук твоих разглядывает чадо.

* * *

Моей давани

Ничего не скажешь, а скажешь — ложь,
только горько в горле глухим словам.
Я запомню темный глубокий дождь,
в ночь, когда была ты еще жива.

Дорогая, как беспокоен свет,
на расправу скор, да на ласку скуп...
У кого теперь изыскать ответ,
сколько надо было картошин в суп?

У кого спросить, где вернее брод
через речку глупую Черемшан?
Не туда ли, сонных касаясь вод,
полетела нынче твоя душа...

Дорогая, милая, правнук твой
хорошо умеет уже ходить.
Ручку требует и листок — долой,

у моих колен, на меня сердит.

Он не знает, как нам с тобой жилось
в деревеньке, влево от большака,
как в саду малина, в воротах — гость,
как черна черемуха в кузовках.

За деревней озеро Султанбей.
Надувной купила зеленый круг.
И вручила: «На, балам, не робей,
удиви крикливых своих подруг».

А коза Чернушка, как пес за мной —
своенравна тоже. В хозяйку... Вот,
так и жили...

Слышишь, детеныш мой?
Только он не слушает, кривит рот.

У него теперь давани своя,
и свои секреты у них двоих.
Дорогая, это и есть семья?
Зур рахмат. Спасибо тебе за них.

* * *

Жизнь забывается помаленьку...
В снах моих все молодеешь ты.
А посреди пустоты, тщеты,
сын обнимает мои коленки —
тянет играть — просит строить дом,
кубики высыпав из коробки...

Дом... улыбаюсь ему с трудом.
Хоть и характер-то мой — не робкий,
я не смогу, как умела ты —
дом возвести на любых руинах,
я из другой — бестолковой — глины,
я не умею — сады, цветы...

Бабушка, нынче ноль пятый год.
Снова предвестники революций.
Что бы сказала ты?.. Снег идет...
Страшно заснуть
и страшней — проснуться...

Строю из кубиков сыну дом —
Знаю, пройдет затяжная стужа.
Я научусь. Не сейчас — потом...
Я научусь.
Это
очень нужно.

* * *

В небесные дали ушел минарет.
Пушистые, царские светятся вербы.
Российская греет весна на дворе.
Куда тебя клонит, мой век двадцать первый?

Все спешка и шум в переходах метро,
шикарные розы в пластмассовых вазах.
Сограждане, будемте делать добро!
Вот здесь и сейчас, непосредственно, сразу
заморской едой безо всяких проблем
давайте накормим бомжа и пиита.
Сограждане, эта округлая «М»
и в Африке символ теперь общепита.

В пространстве Вселенной, пустом и кривом,
героем в поношенных джинсах с дырою,
забавно себя ощущать в мировом
контексте, ища, как пропавшую Трою,
свой правильный город, и свой огород,
в котором уж некуда складывать камни,
но есть чем дышать, и такой кислород
нигде окромя не найти никогда мне.

* * *

Не сват, не брат, а просто спутник мой...
А просто путник... дай мне надышаться
бесспорной неудачей, ловлей шанса,
молением о глупости смешной —
о нежности к бездомному калеке —
мир уместился в школьный глобус —
весь...

Душа, душа, зачем ты снова здесь,
чего еще ты ищешь в человеке?

Вот он — прохожий...
у него внутри
печенка, сердце, легкие...
постой...
Не друг, не враг, и имя —
«звук пустой»,
но он — родной — люби его, замри.

На цыпочках, едва дыша в затылок,
иди за ним в глухой проем метро
еще на свете плакать не старо,
среди цветов, осколков, слов, бутылок...

А жизнь нельзя по-новой подарить,
но мы за прирученного в ответе —
ничейная в пространстве междометий,

еще любовь над вечностью парит...

* * *

Пламенной осенью джинны грустят о небывшем...
Всюду на ветках дрожат золотые фальшивки.
Выпрямишь спину, о жарком июле забывши —
тут же ноябрь о тебе раззаботится шибко.

В наших широтах дожди пробирают до дрожи,
мокрый чинарик бомжу и подростку не в радость.
Боже, с чего манекенные все эти рожи
прячут усмешки? Вот я — вспоминаю парады:
Красную площадь, огромных гвоздик целлофаны...
Помнишь, такую прилаживал дядя из жэка
к палке от швабры, хранившейся в цинковой ванне
в чьем-то сарае постройки минувшего века.

Кроме бессонницы, все справедливо в итоге,
даже ноябрь справедлив, как гуманный патриций,
даже декабрь. Даже ты в незапятнанной тоге,
Боже мой ветхий. Зачем муэдзинам не спится?

* * *

Ты его знаешь, а я не знаю,
ты его любишь, а я — не очень.
Он тебе нужен, а мне — не знаю —
может быть, ночью.

Остановись — между нами спора
нет и не может быть никакого,
я уступаю вам этот город,
весь этот говор материковый,
гон и истерику в понедельник,
предошущение сна субботы,
я вообще от всего отдельно,
что ты.

* * *

Все танцевали, спали, пели, пили,
Мой полтергейст свои утроил стуки...
Иди домой бороться с энтропией —
я устаю от чертовой разлуки
чуть меньше, чем от встреч с тобой сумбурных.

Вертя в руке бутылочную пробку —
ну, где же урна?
Хочется культурно
ее куда-то...

Хочется в коробку
бетонных стен, как в коробок забраться

и тихо ждать...

Небесный антрополог,
открой мне крышу.
Глупый папарацци —
пусть спит рассудок.
Ты дыханья соло
настрой к себе. Смети налет эпохи,
избавь от несвершенности глаголы...

Дела мои не то, чтоб очень плохи,
но разговор все время невеселый
с Тобой...
Вот так. Кто любит, кто боится.
А кто и — то и то — все вместе сразу.
Собак люблю. Людей не очень.
Лица
несчастней морд, скажи?
Неужто разум
так отягчает нам существованье?..

* * *

...Ах, дудочка, как сладко танцевать
в ответ тебе, змеєю извиваться.

И после танца остро целовать
его ступни, не замечать оваций.

И видеть сон, как побледнел, и вот —
уже упал мой господин, покорен.

Огонь внутри меня еще живет —
и он еще выплескиваться волен!

Волною колыхнет ко мне ряды —
И будет каждый зритель мой взволнован.

Я — грация, и нет во мне беды —
мой каждый жест любовью продиктован...

Сбывайся, жизнь! Веди меня, восток!
Факир играет. Вечер на манеже.

Все ждут меня — я прячу свой восторг
и притворяюсь девочкой прилежной...

ПЕРЕВОДЫ С ТАТАРСКОГО

Ради́ф Га́таш

Сон

Я видел сон:
Свои глаза
отдал приятелю за рубль.

Он на любимую мою
разок взглянул — и вот влюблен.

Мой взгляд на небо устремив,
он тут же сделался звездой.
Мой взгляд на землю перевел,
и синим океаном стал.

Ах, посмотрев на мир, как я,
мой друг теперь большой поэт:
все что берег, лелеял я —
его дыханием живет.

И... он собрался прочь сбежать
вдвоем с возлюбленной моей.

Что сделал я?! Скорей назад
свои глаза у друга взял.

Театр

Были дети мы с тобою, нам в спектакле дали роли:
ты — красивая горянка, ну а я — пастух обычный;
Ты влюбляешься, но быстро забываешь, как любила,
Ну а я — люблю навечно и страдаю, горемычный.

Повзрослели мы, и вправду мы возлюбленными стали.
На роду с тобой нам было так написано, наверно...
Бросила меня ты вскоре...
Ну а я — люблю все так же.
Значит, не случайно эти нам в спектакле дали роли.

* * *

Мой странен сон: как будто умер я,
народ хоронит тело, как и должно...
Но почему-то веселы друзья,
Враги... рыдают, грустно им и тошно.
Любовь моя — супруга, рада, словно
поймала птицу счастья, вид наряжен!
А друг, который был как брат мне кровный,
спешит скорее памятник приладить:
«Друзья! Пусть он уже не возвратится!» —

сказал и придавил мне грудь навеки...
Враги горюют, их печальны лица,
Сады омыли бы, наполнили бы реки
Слезами горькими.
Я весь вспотел. Я понял:
«Ведь вот как заблуждался в людях этих!» —
Но есть пока и радоваться повод —
Я жив еще. Пока на **этом** свете!

У колодца

Скрипит неторопливый ворот нежно —
Колодец чистый за моей оградой...
Ты ходишь за водой сюда, а мне же —
Лишь любоваться на тебя украдкой.

Колодец этот полн воды хрустальной.
Душа моя — полна любви и силы.
Пустые ведра — полными бы стали,
Когда б ты их мне в душу опустила.

Вода течет, и расставанье близит —
Ведро твое наполнилось почти.
Ах, расплескать бы эту воду, вылить —
Не уходи, услышь. Не уходи...

... Но вот уже ты от меня далеко —
Колодец позади уже, который
Вздохнет и замолчит. Лишь, одиноко
С тобой прощаясь, тонко скрипнет ворот.

* * *

Сестра моя! Не стриги свои косы!
Как увижу их, до сих пор,
дотрагиваюсь и превращаюсь в мальчишку:
русалки с длинными волосами
наполнили сны моего детства.
Я знаю, у них и сейчас длинные волосы!

Не стриги свои косы!
Как много памяти прячут они:
в них первые мои стыдливые взгляды,
в них —
поцелуи солнца, ласка дождя,
весны, которые приходили только для нас.
Пожалуйста, не уноси их далеко,
Не стриги свои косы, ладно?!
Не стриги!

Хабир Ибрагимов

* * *

О, я люблю терять себя под вечер
В объятиях дороги и мечты,
Где, не переставая, веет ветер,
И звезды расцветают, как цветы.

В подножьях гор оврагов тьма, как ртуть,
Бьют молнии в сухие русла рек,
Куда меня забросит этот путь,
укутывая в дрожь, и в дождь, и в снег?

Да, молодость чудесная была,
и, кажется, прошла не просто так,
но почему-то не подождала,
а я-то все надеялся, простак...

Любимая, и ты уже не та?!
Где вдохновенье, легкость, фимиам?
Нет, все-таки напрасна суета:
чтоб жизнь догнать,
не хватит жизни нам.

* * *

Ну, не сердись, прошу.
Нельзя сердиться.
Держу себя в ежовых рукавицах.
Ругать не надо, разве грубость лечит?
Замерзшая, идешь ко мне навстречу.

Идешь босая,
по сырой траве,
роса прохладой зябко серебрится,
ты говоришь, что умер человек,
твои ладони мечутся, как птицы.

Твой родственник...
Ты говоришь, я слышу.
Но что поделать? Это воля свыше.
Ни теплое словечко, ни совет
В моей не возникают голове.

Ну, не сердись, прошу.
Нельзя сердиться.
Держу себя в ежовых рукавицах.
В чужую жизнь, как в реку, не войдешь...

А ты ко мне замерзшая идешь.

Мухаммат Мирза

Извлекай уроки, мой падишах

Кто твой визирь по правую руку,

Кто твой визирь по левую руку,
Веруешь ты во что, мой падишах?
Справа трясина, слева трясина,
Чуть оступись — и поглотит бесследно,
Если твой разум тебя не спасет, мой падишах.

Чем тебе важен визирь, что справа?
Чем тебе важен визирь, что слева?
О, подумай серьезно, мой падишах!
Правый подаст тебе меч спокойно,
Левый подаст тебе меч спокойно,
Чья голова им мешает жить, мой падишах?

Справа шептать тебе будут сплетни,
Слева шептать тебе будут сплетни,
Но стороны у света — четыре, мой падишах!
Придут падишахи, уйдут падишахи,
Падших визири пинком провожают,
О, извлекай уроки, мой падишах!

Слово пожилых

Мешками-мешками щавель приносили
Мешками-мешками — борщевник, крапиву.
Руками срывали, косою косили,
И ели, и ели — остаться бы живу.
В голодные годы...

Так, с голодом в схватке, прошло наше детство —
Такая неравная битва, что страшно
В то давнее прошлое нынче взглядеться:
Щавель, одуванчик, пустынная пашня...
Тоска безотцовства.

Вы скажете: «Память тревожить больную
Не стоит. Слова только сердце изложут».
Вы скажете: «Нас эта доля минует —
Сегодня такого случиться не может».
Вы скажете: «Хватит».

Всем кажется — жизнь быть должна справедливой,
Но жизнь иногда по-другому решает —
В тот год опустела деревня большая,
Поля заросли лебедой и крапивой...
Нельзя зарекаться.

Какой вам судьбою удел уготован?
Дорога в густые туманы уводит...
Что там, за туманом? Не скажет никто вам.
Каким этот мир обернется сегодня?
Никто и не знает.

Сажиды Сулейманова

Я — человек

Говорят, орлица ты —
гордо крылья расправляешь и взлетаешь в небеса.
Если б я была орлицей, я бы землю не ценила.
Я всего лишь человек.
Как огонь — твердят,
смотри-ка, только лишь коснутся руки —
тут же спорится работа.
Если бы огнем была я — разве б я могла угаснуть? —
Я всего лишь человек.

Золото — кричат хвалебно,
если я нужна им стану, тут же льстят
и дружбы ищут...
Если б золотом была я — и купили б и продали.
Нет, друзья:
Я — человек.
Соль враги на рану сыплют,
воздвигают между нами стены лжи, непониманья...
Если б я была из стали, сталь не вынесла б однажды и
растаяла, но я же — Человек.

* * *

Время работает на себя, и я — на него.
Время сначала уйдет далеко, и только после того
нам объясняет — куда нас привел
этот неблизкий путь
и в чем его суть.

Каков же мой облик, покорный его лучу?
Двигаюсь ли ползком, плыву ли, лечу?
Эх, чтобы время работало на меня,
надо пахать, не видя ночи и дня.

Набираюсь терпенья — пашу...
покуда еще дышу.

* * *

Марсу Шабаету

Мы не язычники.
Откуда в нас, мой друг,
огню готовность поклоняться истово?..
Внезапно
в сердце попадает искра,
когда на льду костер зажжется вдруг.

Костер и лед плывут уже едино —
они в пути,
в движеньи,

на свободе...
Костер почти погас, огонь уходит,
но от него тихонько тает льдина.

* * *

Идут дожди,
идут дожди,
бурлит, бежит вода...
Несобранные колоски
на поле пропадут.
Скосили,
уронили их,
они остались тут.
Но если не нужны они,
зачем росли тогда?
Я убрала бы их в амбар,
закрыла на замок...
Но где найти такой замок,
чтоб сердце запереть?
Не говори — цвести хочу —
у лета вышел срок.
На небесах — цвести и петь,
а на земле — терпеть.
Идут дожди,
идут дожди...

* * *

Едва сойдясь, расходятся пути.
Среди приветствий, слов, рукопожатий
твоя рука смогла мою найти,
но все равно никак не удержать ей.

Спешу в ответ тебе ладонь подать,
смотрю, застыв, когда проходишь мимо.
В твоей походке — колдовская статья.
Но мы так поздно повстречались, милый.

И снова руку отнимаю я,
но о тебе все время думать буду...
Так день за днем проходит жизнь моя.
Ты не видал еще такого чуда.

Как рыхлый снег осядет под ногой,
так я смирю желания и разум.
Хоть сердце подчинится мне не сразу,
в моих глазах увидишь ты покой.
И пусть внутри — огонь, и жарче ада,
Меня не выдаст рук моих прохлада...

Тебе рассказываю тайны

Помедли, Агидель, тебе одной —
хочу открыть сердечные секреты.
Их сохрани тихонечко на дне ты,
не положи, а спрячь их под водой.

Быстра вода родной реки моей,
то шире разливается, то уже...
Но не бывает крепче нашей дружбы —
все тайны спрятала на глубине своей.

...Навстречу лучикам рассвета первым
со дна поднявшись, расцвели кувшинки.
«Но почему печальны вы, кувшинки?» —
их с любопытством обступили вербы.

Потом чудесно пели соловьи
на ветках верб — в густых зеленых гривах...
И в собственном саду от птиц болтливых
все тайны я услышала свои.

Ах, Агидель, ведь я тебе одной
открыла сердцу дорогие тайны.
От злых сорок бессовестных случайно
пусть не услышит их любимый мой.

* * *

Непринужденно закурив,
все учат жить других.
Мнят, будто истины огонь
в сердцах глупцов зажгут.

Я промолчу — их болтовней
по горло я сыта.
Но те слова, что не скажу —
сквозь камни прорастут.

* * *

Подобен осени суровой Волги вид...
Ну почему так осенью тоскливо?
Холодный дождь над городом стоит
и поезда уходят торопливо...

Стекло окна клюет сердитый дождь,
и стук другой раздастся здесь едва ли —
напрасно жду, что ты ко мне придешь...
Как поездами, мной любимы дали.

Душа бродяги счастлива в пути,
у остальных — о городе мечты...
Я начинаю верить временами,
что ты ко мне не можешь не прийти —

ведь шпалы-шпалы — длинные плоты,
два берега соединят меж нами.

* * *

У тех, кто уходит — дороги длинны,
а кто остается — недели длинны.
Идущим — открытья, удача близка,
а тем, кто остался — тоска да тоска...

Вот в странствия снова подался мой друг,
и пить мне теперь из колодца разлук,
и выпить никак до конца не смогу,
покуда он терпит жару и пургу.

* * *

Глотала огонь, и сгорала, и сыпалась пеплом...
В надеждах пустых и сомнениях таяло время...
Теперь понимаю:
ушла бы из тех моих дней не жалея, не думая дважды.

Ушла бы не глядя, когда б это было возможно —
уйти от себя. И неважно — вперед ли, назад ли...
Когда бы умела
спокойно смотреть, как беснуются лошади в круге
пожара.

И если придет неожиданно помощь — она бесполезна.
В огне на дыбы поднимаются кони живые...

Глотаю огонь, и горю, осыпаюсь, как пепел.
Лишь ты прекратить это смог бы, но знаешь...
Не надо.

* * *

Кто говорит, что любовь — лишь одно наслажденье?
Будет правдивей сказать, что мученье, страданье.
Сердце, уздечку порвав, то ли освобожденье,
то ли сиротство себе обретет в наказанье.

Между огнем и водою, землею и небом
то остановится, то убежит без оглядки,
то в равновесном блаженстве, то в горе нелепом...
Будет правдивей сказать, что любовь — лихорадка.

Если найдешь ее, значит, себя потеряешь —
Ночью и днем — будешь думать все время о ней лишь.
Рая дыханье и ада горенье познаешь —
свернутый космос, вселенную в сердце поселишь.

Крылья смирения

Крылья смирения, белые крылья смиренья...

Кони умчались — прекрасная пара — меня обманув.
Словно любимым покинута, в горьком смятении
так и стою, бесполезно им руку вослед протянув.

Кто же украл их — не гости ли наши тихони?
Не конокрады ли, злыми плетьюми торопя?..
На ночь останутся не распряженными кони.
Кто им воды принесет, кто напоит, любя?..

Пастбища все обойду я, все степи ковыльи —
только пешком остается идти из-за этой беды.
Не опадайте, мои терпеливые крылья, —
ждут меня кони в надежде напиться воды.

Крылья мужчин — скакуны, крылья женщины —
верность.
Белые крылья, в беде не покиньте меня...
Тот, кто нашел скакунов моих, любит наверно
только на взнузданных ездить послушных конях.

Конь без удила железного первым прийти не сумеет...
Только вот раньше добрее друг к другу мы были.
В кровь разобьются колени, но дальше идти я посмею —
только бы вынесли все, не сломались
смирненные крылья.
Крылья терпенья.

Равиль Файзуллин

* * *

Подарками судьбы не обольщен,
В предчувствии больших потерь и бед,
Чем заплачу, не ведаю еще,
За то, что подарил тебя рассвет.

При свете дня беспечен — счастья раб —
Я лучше соловья тебе пою,
А по ночам от страха болен, слаб,
И старость вымогает жизнь мою.

Пой!

Пой! Твою услышав песню,
Прошрое твое узнаю.
Пой! Глаза твои расскажут
Чаянья твои и страхи.

Пой! Народ вплетает в песни
Родины своей былое:
Завещания ушедших,
Их надежды — в песнях наших.

* * *

Чтоб писать на воде — вилы,
В небесах — золотая молния,
А в сердцах у моих милых —
Злые слезы.
Сердца полные...

Написать — написал. Много.
Кто прочел? Лишь один на свете
Так безжалостно дувший ветер,
Что едва удержали ноги.

* * *

А у окошка косы заплетает
Девчонка. До того она красива,
Что облако над нею в небе синем
Остановилось и тихонько тает.

Не в силах расплести косу тугую,
Ребячась, ветерок летает резво,
А ветряная мельница, ревнуя,
Ему мечтает крылышки подрезать.

* * *

С вершины горной — к звездам два шага,
Зато больней падение с нее.
Что ни кричи ты, эхо все вернет —
Бесстрастней гор лишь времени река.

И не помеха снежной белизне
Вся чернота неласковых ночей...
Гор высота нужна тебе и мне,
Чтоб не увязнуть в тине мелочей.

Горы — та же земля...

Горы — та же земля. Но такая земля, на которую
Ты не сможешь, мой друг, никогда посмотреть свысока.
Горы — та же земля во владеньи Судьбы и Истории —
Приласкает младенца, схоронит в себе старика.

Горы — та же земля. Но она покорится не каждому.
Если слаб и безволен, она не встречает любя...
Горы — та же земля. Высота — это самое важное —
Стоит раз потерять, навсегда потеряешь себя.

...это — ты!

Я сгораю в огне, в огне!..
Разожгла его — знаю — ты!

Чтобы мне не сгореть дотла,

Дай терпенья, прошу, Аллах.

От блаженства с ума схожу!..
Даришь крылья безумья — ты!

Чтобы я не взлетел, Аллах,
Дай мне тяжести хоть чуть-чуть.

* * *

Глаза все те же, но другими взгляды стали,
Слова все те же, но другими смыслы стали...
Когда во мне проснется твердость стали,
Пусти меня. Нам не идти одной дорогой.
Остаться будешь умолять, скажу с порога:
«Ах, если б нам вернуться в день вчерашний!..»
Но это память возвратится в день вчерашний.
А я — сегодняшней. Уйду. Меня не трогай.

Ильдар Юзеев

Жизнь — тайна

Порою ты
Несчастней всех на свете,
Цветы надежд срывает злобный ветер...
О, почему
Светила лик исчез?!
Жизнь — таинство, и чудо из чудес.

Бывает, что
Ты радостен без меры,
Струится свет, даря тепло и веру.
О, солнце, как сумело поместиться
В моей душе, скажи? В одной всего?!
Жизнь — сокровенной тайны волшебство.

Дни горестей,
Счастливые минуты,
Все — миг один. И не было как будто...
Отдать другим успей свое тепло
Успей любить земное бытие:
Жизнь — тайна. Нет заманчивей ее.

* * *

Темный лес,
Возьми меня к себе —
Я войду
и сразу потеряюсь
Средь туманов и дорог твоих.
Но, прошу, не спрашивай меня,
Как живу

на этом белом свете,
Долгой жизни мне не обещаай,
обернувшись маленькой кукушкой...
Милый лес,
храни меня, храни
От холодных сумрачных созданий —
Призраков с погасшею душою...
Или сам я становлюсь таким же?
От природы отнято жестоко,
Потихоньку угасает сердце.
Ты, не дай, не дай мне, темный лес,
Стать холодным
снежным человеком.

* * *

Деревя, я, похоже, вам родня,
поэтому мы с вами так близки,
По осени желтею от тоски...
Я — липа, выросшая на камнях.

Пусть смогут с вами разлучить меня
Весенняя простуда, горечь, страх,
Мне тесно в четырех моих стенах.
Я — липа, выросшая на камнях.

Но человек я. Сам себе дивясь,
Глубокую отверг с природой связь...
Поглажу ветку, боль твою приняв,
О, липа, выросшая на камнях.

У матери-природы отнят я,
И, словно сирота, грущу по ней.
Не будь жестоким... но и не жалеи!
Я — липа, выросшая на камнях!

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Шри Ауробиндо

Фрагмент эпической поэмы Савитри

Песнь первая.

Символический рассвет

Час перед пробуждением Богов.
Огромное сознание Ночное,
Распластанное на краю Безмолвья,
Одно во Храме Вечности Ночной
Предчувствует. Препятствует служенью.

Как сгусток тьмы, почти что осязаем
В пустом лице его безглазой думы,
Провал в незаселенную безмерность.
Бездонный нуль собою мир наполнил.

Все этажи небытия пронзив,
Запрятанного «я» явилась сила,
Напоминая мрачную утробу,
Откуда вышла. Не приемля вовсе
Ни смерти ход, ни таинство рожденья.
В пустом Ничто она свой путь закончит.

Как в темноте начала всех начал
Невзрачная немая Неизвестность,
Продляя вновь незрячее желанье,
Бездумное движенье повторяя,
Качала в колыбели вечной дремы
Несведущую силу, чьим дыханьем
И солнца зажигаются, и жизни,
Плывут, как в танце хоровод сомнамбул.

Пересекая тщетный сон пространства
В тупом оцепененьи, без намека
На жизнь, в холодной пустоте бездушной
Подобно тени кружится Земля,
Вернувшись к грезам, ни себя не помня,
Ни духа своего и ни судьбы.

Безвыходны, нейтральны небеса...
Но вот в густом, непостижимом мраке,
вдруг Нечто шевельнулось — чей-то жест,
Движение, безумная Идея.
Настойчиво, без цели, недовольно
Оно хотело быть, не зная как,
Незнаньем Бессознанье искушая.

Оставив след мерцающий, дрожащий,

Агония пришла, впустив желанье —
В безлунной бессознательной пещере
Закрытыми глазами, бесполезно
Смотреть, пустую голову подняв,
Неначатую память напрягая,
Кругом ища отсутствующий свет,
Как тот, кто ищет «я» свое бывшее,
Но видит только труп своих мечтаний.

Как будто в глубине Небытия,
В конце его предельного распада,
Непомнящая схоронилась малость,
Обречена страдать, пытаться, плакать,
В ином миру крушений вновь воскреснув.
Хотело света смутное сознание,
Предчувствие томилось переменой.

И, словно пальчик детский по щеке,
О надобе непроходящей сбыться
Напомнило в тисках пространств угрюмых
Зажатое вселенское дитя.
Неощутимо начался разрыв:
Одной полоской сдавленного крика
Сонливость жизни до краев тревожа,
Как сердце — обольстительной улыбкой.

С изнанки безграничности придя,
взгляд божества пронзил немую глубь.
Разведыватель, солнечный слуга,
Казалось, посреди тоски недвижимой
Усталого, пресыщенного мира
Он ищет потерявшегося духа,
Столь падшего, что может сознавать
И помнить бесконечное блаженство...

Литературно-художественное издание
Каримова Алёна (Каримова Алия Каюмовна)

Другое платье

Стихи
Казань. Татарское книжное издательство. 2006

Редактор *А.Д.Алишева*
Художник *Г.В.Панкратова*
Обложка *А.К.Каримовой*
Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *В.А.Савельевой*
Корректор *Н.И.Максимова*

Оригинал-макет подписан в печать 13.06.2006. Формат 70x100 1/32.
Бумага мелованая. Гарнитура «Kudriashov». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,20. Усл. кр.-отт. 5,52. Уч.-изд.л. 4,48.
Тираж 1500 экз. Заказ 3-457.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.
<http://www.tatarstan.ru/books/>
E-mail: tki@books.kazan.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс». 420066. Казань, ул.
Декабристов, 2.